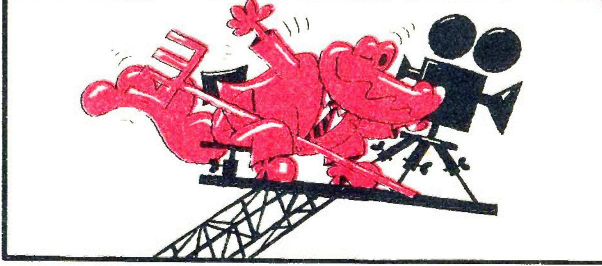
КРОКОДИЛ

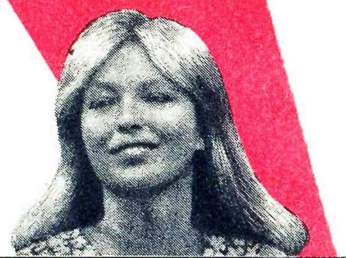
ISSN 0130-2671

№ 20 ИЮЛЬ 1989

— От социализма отхóдите, товарищи!

В. МОХОВ.

Марина ВЛАДИ:
Дебют в «КРОКОДИЛЕ»

стр. 4.

КРОКОДИЛ

№ 20 (2642)
июль 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 09.06.89.
Подписано к печати 19.06.89.
А 01354.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 034).
Зак. № 810.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

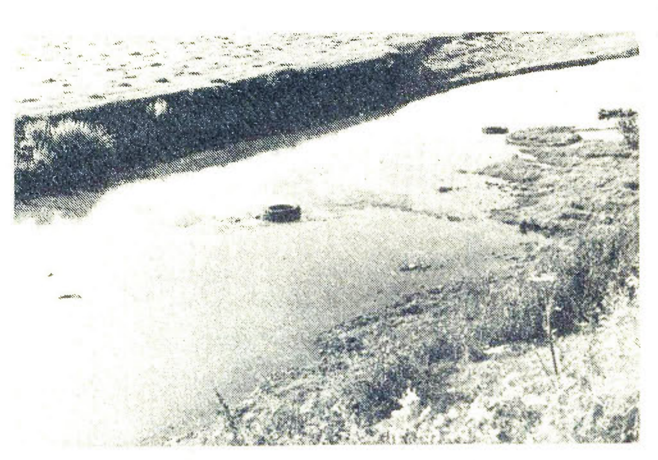
Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 300 000 экз. (4 завод 4 000 001—5 300 000). Зак 1846.

РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА, РЕКА МОИХ ДЕТЕЙ...

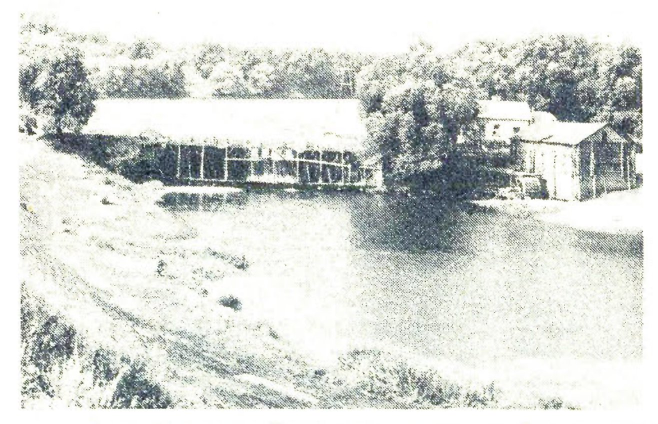
Эти четыре фотографии сделаны на одной и той же реке Орлик, которая в книге «Большому Чертежу», уникальном документе русской картографии начала XVII века, именовалась река Орел. От нее и город Орел получил свое название, так как был основан при впадении Орла в реку Оку.

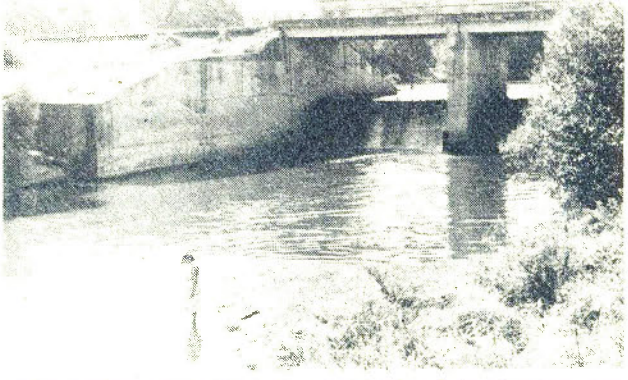
Первая и вторая фотографии

сделаны буквально на одном и том же месте, но по времени у них разница около четверти века. Первая — со старой пленки, которая волей судьбы сохранилась, и вспомнил я о ней после поездки на родину летом 1988 года. Вторая — современная. Как резко отличаются они друг от друга! На первой лошади скрываются в воде почти полностью, а на второй покрышки от трактора «Беларусь» едва до половины скрыты водой.

А это фотография Телегинской мельницы на Орлике, плотина которой и поднимала воду так, что лошади скрывались на глубине, а ребятишки получали удовольствие, купая лошадей, ныряя с обрывистого берега в реку. Вода была чиста и прозрачна все лето.

Мельница осталась еще со времен дореволюционных. Мельника раскулачили. Мельница перешла в колхоз «XIII лет РКК». Хоть и бедненький был колхоз, но мельницу держал. Она давала ему солидную по тем временам прибыль, поддерживала уровень воды в Орлике, содержала его в чистоте. Орлик поил, служил местом рекреационным. Если по-русски сказать: на Орлик торопились крестьяне после трудового дня смыть пыль молотьбы, отмочить грязь прополки, снять усталость.

Сейчас на месте Телегинской мельницы стоит железобетонная махина, которая ничего хорошего не делает для Орлика: она просто стоит поперек, лишь чуть приподнимая воду. Река обмелела, превратилась в зловонный ручей, и купаться здесь теперь никто не рискует.

Нынешний колхоз «Пробуждение» богатый — миллионер. Деньжонки есть, если сумел отгрохать такую махину. Но скольких средств стоит загубленная река Орлик? И кого должны сейчас привлекать к уголовной ответственности за погубленные реки, ручьи, озера и озерца? Неужели так и дальше будет продолжаться?

Неужели все реки моих детей превратятся в такие, как нынешний Орлик?

А. РЫЖИКОВ,
действительный член
Географического общества СССР.
г. Темников Мордовской АССР.

ГОНОРАР — МЫЛОМ!

4 марта подходит ко мне наш мастер Жукова Т. А. и говорит: «Вот тебе накладная и список, сходи на склад получи мыло и рукавицы».

Кто из нас, слесарей, не делал этого? На складе я бодро передал кладовщице бумаги. Из глубины темного склада раздалось: «Кто там?» Кладовщица ответила: «Да слесарь пришел, мыло просит». «Он что, газет не читает?» — продолжал голос. Я сказал голосу, что газеты читаю, в курсе всех событий. Вкратце обрисовал положение на Ближнем Востоке, коснулся вопроса о назначении министра обороны США, борьбы за экологию, даже сказал, что финны, которые в Москве перестраивают одну гостиницу, могут после работы посещать свою любимую сауну.

Голос из темноты ответил: «Один кусок мыла на квартал». Я воспринял это как шутку и рассказал анекдот про двух студентов. Дело было в туалете. Студент из Оксфорда, выходя, вымыл руки с мылом, наш новгородский вышел, как у нас заведено, без этого. Оксфордский студент ему говорит, что их учили в этом месте руки мыть, а наш гордо отвечает, что нас в этом месте учили их не пачкать. Кладовщица заулыбалась. Голос в темноте хмыкнул, затем материализовался в начальника снабжения «Облводоканал». «Ну что же,— сказал он,— выдай им рукавицы, а насчет того, чтобы руки не пачкать, надо посоветоваться с руководством».

В общем, наше руководство в туалете, как оксфордский студент, все-таки моет руки с мылом, а мы, слесари-канализационники, перестраиваемся. Учимся работать в дерьме, не пачкая рук, потому что, даже чтобы зайти в туалет, надо сначала вымыть руки.

Если это будет напечатано, просьба гонорар выдать мылом.

А. КИРИНОВ,
г. Вологда.

ОТ КРОКОДИЛА: Это невозможно. У меня самого мыло на вес золота.

НЕВИННЫЕ БУТЫЛКИ

Иду сдавать посуду и думаю: «Хоть бы приемщик оказался добренький». Но обычно мне не везет. К тому же в приемном пункте меня хорошо запомнили, я туда часто хожу, но все без толку.

Разговор один и тот же.

— Тебе сколько лет?

— Четырнадцать.

— Будет шестнадцать, приходи. А пока марш со своими бутылками

— Но это же бутылки из-под лимонада. Если мне нельзя их сдать, почему мне продают лимонад?

— Не знаем, почему. Отваливай.

Дорогая редакция! Помогите мне сдать бутылки из-под лимонада.

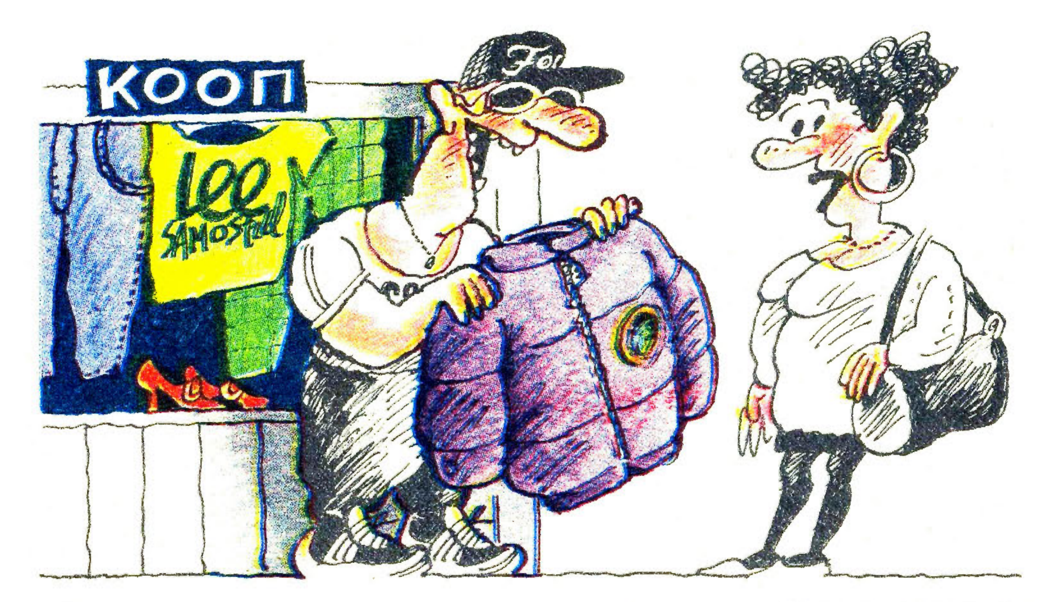
А. ЛИПИРИДИ,
ученик 7-го класса.
г. Киев.

В свое время поэт воскликнул: «Стала оперяться моя кооперация!» Опериться окончательно ей тогда не дали. Не только подрезали крылья, но и свернули шею...

Но вот сегодня снова оперяется кооперация, что вселяет надежду на возрождение нашей экономики. И снова, как и в 20-е годы, щиплют перья, норовят подставить подножку цивилизованному кооператору, солидному арендатору. И кто? Родная Советская власть лихими исполкомовскими решениями, бюрократическими рогатками, ссылками на ведомственные инструкции. И в то же время исполкомы создают режим наибольшего благоприятствования тем кооперативам, которым, казалось бы, опериться ни к чему.

В качестве наглядного примера — две такие ситуации на одной странице.

Стр. 6 ▶

— Импортную куртку на тополином пуху не желаете?

О. ТЕСЛЕР, Р. ДРУКМАН (тема).

ПОГОВОРИМ, ЧИТАТЕЛЬ!

ОПРИЧНИК НА ХОЗРАСЧЕТЕ

Тут уместно будет заметить, что опричнину ввел царь Иван Васильевич Грозный в 1565 году. По его приказу ретивые люди помчались по всему Московскому государству, хватали разных неугодных лиц и на основании доносов, чаще всего неподписанных, рубили им головы, сажали в каменные клетки и топили в ледяных прорубях.

Вот такие были безобразия...

Думаю, что у читателей уже созрел вопрос: с чего это сатирик, которому по штату положено смешить людей, вдруг вспомнил об ужасном владыке, о свирепой опричнине? Совсем не к месту...

— Почему не к месту? — отвечу.— Об опричнине вспомнил не я, а наш постоянный подписчик Л. И. Железнов из Краснодарского края.

Лев Иванович обратился к опричнине не сразу, а в итоге долгих раздумий, навеянных чтением периодики, и в частности журнала «Крокодил». И вот, когда он читал заметку о том, как директор совхоза вкупе с партсекретарем безнаказанно издеваются над подчиненным, его вдруг осенило: «А ведь порядок навести совсем просто, выход есть!»

«Читая статьи о бюрократах, пьяницах и другой нечисти,— спешит поделиться с нами Л. И. Железнов,— у меня возникла идея действенной борьбы со всеми подонками нашего общества: в каждом районе создать выборную хозрасчетную бригаду опричников... дать им большие права».

Сформировав карательно-командный аппарат, Лев Иванович приступил к выработке статуса возрождаемой опричнины. Опричники, считает он, должны разбирать всех бюрократов, взяточников, воров, невзирая на чины и ранги. Все жалобы должны поступать только в их бригаду от жителей всего района. Опричники имеют право снять с работы, наложить штраф, от которого определенная часть составит их зарплату...

Как видите, вырисовывается вполне современная хозрасчетная модель: опричники на бригадном подряде, на самофинансировании и самоокупаемости...

Да, наш реформатор — человек вовсе не из прошлого, он хорошо осознает, что на одних пинках и зуботычинах в нынешних условиях далеко не уедешь; наряду с принудительными требуются и воспитательные меры, морально-психологический фактор. Опричники, полагает Лев Иванович, правомочны награждать этих людишек знаками отличия, которые должны отражать внутреннюю сущность самого награждаемого, носить его автобиографические признаки. А посему учреждает медали трех степеней: «Я вор», «Я взяточник», «Я бюрократ». «Медали с этими выбитыми надписями должны быть красивыми, броскими, чтобы честный люд видел их далеко. Стоимость такой медали от ста до двухсот рублей, в зависимости от ранга бюрократа или вора. А вес не менее 100 граммов. Эту медаль награжденный должен носить как в быту, так и на работе».

Ну, а как быть, если медалист откажется носить свою награду или на работе будет надевать медаль, а дома не будет? Не уследишь ведь, не заставишь!

Надо заставить! Возможность саботажа Лев Иванович предусмотрел и принял меры. Он пишет: «Если до опричников дойдет, что награжденный медаль не носит, его необходимо наградить второй медалью стоимостью в два раза дороже и весом в два раза тяжелее». Ну, а вдруг опять не подчинится? Что ж, продолжать подвешивать железо и взимать деньги, которые, как мы знаем, пойдут на кормление опричников. В общем, возможен вариант, когда современный бюрократ переплюнет самого Леонида Ильича с его 118-ю наградами. И пусть ходит, как навьюченный верблюд, куда ему деваться? А деваться некуда, искать защиты негде. Закон упразднен. Вся власть опричникам! Захотят служивые люди — заставят таскать медаль не только прокурора, но и депутата. Впрочем, какие могли быть депутаты при дворе царя Иоанна Грозного! Вместо них лихие всадники с пристегнутыми к седлам лисьими мордами и метлой рыскают по городам и весям, вынюхивают измену и выметают вон врагов общества!

Вот, собственно, какая предлагается нам программа на ближайшее светлое будущее. Все понятно, кроме одного: почему реформатор обращается за передовым опытом в глубь веков, есть примеры и поближе? А чем не показались Льву Ивановичу, скажем, ежовские «тройки» и бериевские Особые совещания? Тоже ведь неплохо старались ребята, вроде бы достаточно усердно вынюхивали измену, а вместо метелок успешно применяли топоры.

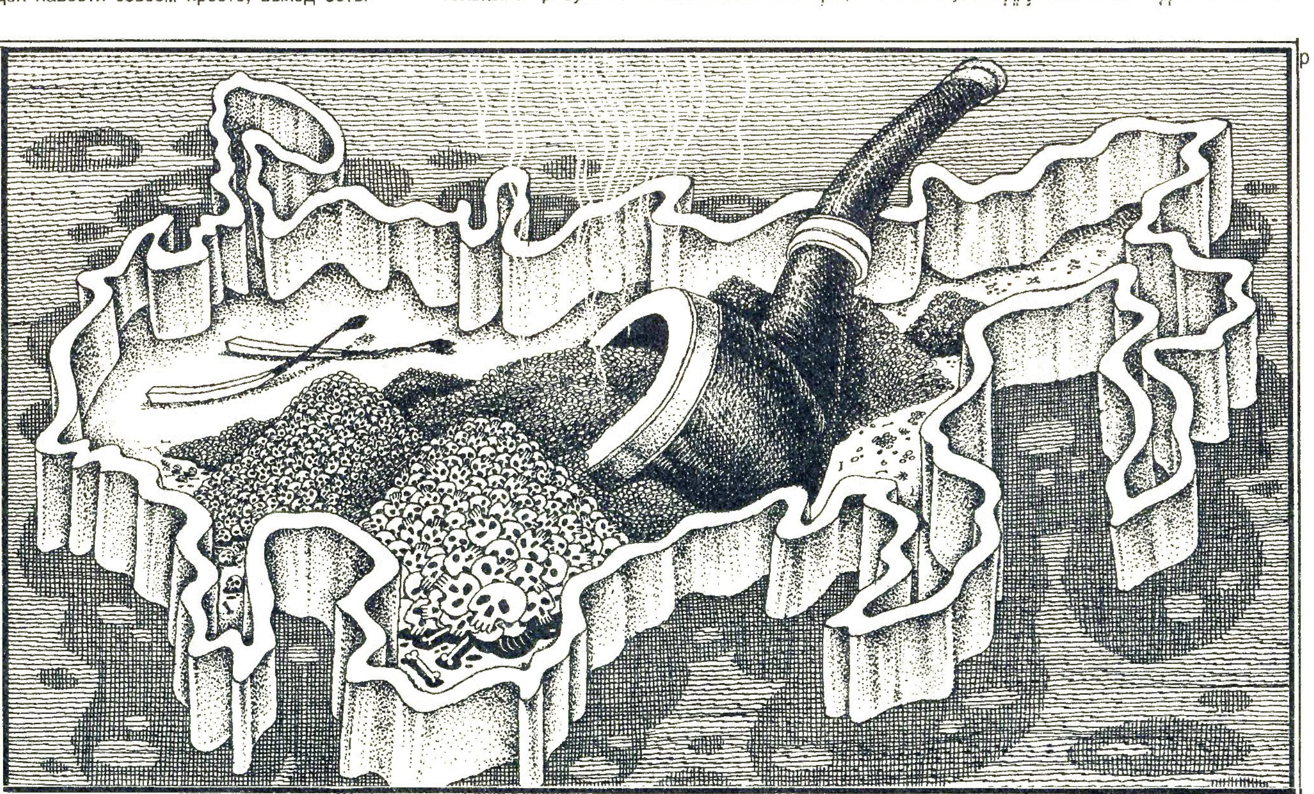
Однако вопрос о «тройках» Лев Иванович оставляет открытым. Он считает, что на первый раз можно обойтись и опричниками. «Для воспитания народа,— восклицает он,— все средства хороши! Если применить мой метод, то через год-два мы избавимся в основном от врагов перестройки». «В бригадах опричников люди будут видеть защитников своих прав»,— добавляет он с оптимизмом.

А мы, признаться, такого оптимизма не испытываем. Мы, наоборот, опасаемся: а вдруг спасительные проекты Льва Ивановича па чьему-то недосмотру пройдут через все инстанции? И тогда не спустя год-два, а гораздо раньше нам откроется такая картина: конные хозрасчетные опричники (а такие отыщутся, только свистни!) волокут на аркане самого автора реформ. Волокут на лобное место, чтобы при большом стечении праздной публики надеть ему на шею изобретенную им же медаль.

— Люди! Где вы? — вопит несчастный Лев Иванович.— Произвол! Я ничего худого не сделал. Меня оклеветали. Не выслушали. Разберитесь сначала. Я буду жаловаться на беззаконие!

А какое может быть беззаконие, когда самого закона давным-давно не существует? Закон, надо думать, Лев Иванович упразднил, милицию разогнал, суд распустил, прокуроров разжаловал...

Оставил одних опричников.

С. БОГАЧЕВ.

И. ШАТУНОВСКИЙ.

Марина ВЛАДИ: «РАНЬШЕ ОБ ЭТОМ ТОЛЬКО ШУШУКАЛИСЬ...»

— Марина Владимировна, ваша книга «Владимир, или Прерванный полет», уже ставшая библиографической редкостью, написана в виде диалога, который вы ведете с Высоцким. Если бы в этой же манере вам пришлось рассказать ему о том, что происходит сейчас в нашей стране, о чем бы вы рассказали в первую очередь?

— Прежде всего рассказала бы о советской прессе, радио, телевидении — обо всех средствах массовой информации. Иностранцев, которые приезжают теперь в Советский Союз после долгого отсутствия, сейчас поражают именно они. Свободой, с которой обсуждаются наиболее болезненные проблемы общества, скажем, в журнале «Огонек», газете «Московские новости», остротой споров и дискуссий по темам, которые еще совсем недавно были запретными, а теперь широко освещаются телевидением на всю страну, откровенными разговорами о вещах, о которых раньше можно было только пошушукаться с самыми верными друзьями или, в лучшем случае, доверить анекдотам.

Наверное, это покажется странным сейчас, но в 1968 году, когда я снималась на «Мосфильме» в «Сюжете для небольшого рассказа», я попросила показать мне «Андрея Рублева». Фильм Тарковского был уже довольно известен, но на широкий экран еще так и не пробился. Толком никто не мог мне объяснить, почему его нельзя посмотреть французской актрисе, члену Компартии Франции, члену президиума общества «Франция — СССР». Самые высокие руководители тогдашнего Госкино обещали мне просмотр, но каждый раз все откладывали, переносили, пока наконец не отказали вовсе.

А теперь можно смотреть не только то, что Тарковский снял здесь, в СССР, но и за рубежом. И никто не скрывает уже, что это был крупнейший режиссер, продвинувший своим творчеством все мировое искусство.

Я рассказала бы Володе и о том, что в его родном Театре на Таганке поставлены спектакли, которые были запрещены ранее. Что его учитель, Юрий Петрович Любимов, смог приехать в свой театр из Иерусалима, чтобы восстановить старые постановки и создать новые спектакли, о которых раньше нельзя было и мечтать. Что уже вышли восемь дисков-гигантов с его песнями и книги его стихов, чего он не мог дождаться при жизни.

А еще я бы рассказала о том, как все жалеют, что не были сняты (при современной технике это так просто) спектакли с участием самого Высоцкого: «Гамлет», «Пугачев», «Вишневый сад» — кто их теперь вернет зрителю?

Времена меняются к лучшему — это факт. Но есть потери, которые мы не в силах отнять у времени.

Перестройка видна во всем, что касается интеллекта, и перемены в этой сфере прекрасно отражают журналы, газеты, радио, телевидение, кино. Фильмы «Комиссар», «Интервенция», «Короткие встречи», «История Аси Клячиной», которые находились «под замком», выходят на экран, демонстрируются у нас, на Западе, и собирают большую зрительскую аудиторию. Советские театральные труппы приезжают ныне в Париж со спектаклями, которые для нас становятся настоящим открытием целого слоя незнакомой вашей культуры, знать о существовании которой прежде было не положено. Достаточно назвать режиссера Анатолия Васильева. Теперь, как я слышала, создается и масса новых театральных коллективов с самобытным творческим почерком. Если можно так выразиться, творческая интеллигенция наконец раскрепостилась, получила долгожданную возможность работать в полную силу. Это прекрасно. Это правильно. Жаль только, что этого не случилось давным-давно. Но хорошо, что произошло хотя бы теперь.

Правда, я бы покривила душой, если бы сказала Володе, что прогресс, который достигнут в духовной, культурной жизни общества, произошел и в материальной области, в быту. Мне кажется, что тут продвижения вперед пока еще нет, а кое-какие трудности даже усугубились. Конечно, очень сложно решить все проблемы сразу. Но есть надежда, что и здесь к вам придут столь же значительные успехи, ведь материальные достижения находятся в прямой зависимости от интеллектуальных.

— Ваш нынешний приезд в Москву связан с выходом русского издания книги о Владимире Высоцком. Как пришел к вам замысел написать книгу о своем муже и отчего это случилось не сразу, а только через несколько лет после его смерти? И почему вы считаете, что при той необыкновенной популярности, которой Володя пользовался и пользуется в нашей стране, популярности, которая заранее обрекает вашу книгу на неминуемый успех, вы все-таки сочли необходимым совершить такую поездку по городам нашей страны?

— Смерть Володи была для меня таким жестоким ударом — от этого шока я не оправилась окончательно и по сию пору,— что, конечно же, я не задумывала тогда писать какие-то мемуары. Это было бы для меня слишком тяжелым испытанием. Я и поныне не могу слышать записи его песен — живой голос дорогого умершего человека. Я же не мазохистка.

Но вскоре после трагедии в печати вдруг стали появляться воспоминания о Высоцком. Причем рассказывали о нем люди, которые были с ним едва знакомы, либо друзья, как говорится, в кавычках, которые тоже никогда не были ему товарищами, разве что собутыльниками. Они вспоминали о нем такие подробности, которых никогда не было и не могло быть в его жизни. Они расписывали, как любили его, как он любил их, как они помогали ему, каким он был милым, прелестным, спокойным, героическим человеком. И абсолютно непьющим. Как все у него в жизни было прекрасно.

Но я прожила с Володей двенадцать лет, поэтому знаю, что его образ, создаваемый мнимыми друзьями и родными, совершенно не похож на истинный. Настоящего лица Высоцкого они и не могли просто знать.

Володя был очень общительным и добрым человеком. И это обстоятельство у всякого, кто его знал хотя бы чуть-чуть, могло создать впечатление, что они являются его хорошими товарищами. А это не так. Друзей у Высоцкого было совсем немного. Собственно говоря, и у каждого их не так много. Ведь далеко не со всеми своими приятелями мы хотим или можем поделиться какими-то горестями или радостями — только с самыми близкими, самыми задушевными. Так что и у Володи был очень узкий круг знакомых, которые знали его хорошо. Самое удивительное, что они-то меньше всего рассказывали о дружбе с ним.

Он не был ни героем, ни ангелом. Он был человеком со всеми свойственными людям слабостями и недостатками. И многое ему прощалось из-за его душевной широты и таланта. Он был чрезвычайно одаренным человеком. Я считаю — гением.

Но для того чтобы понять все это, Высоцкого, повторяю, надо было хорошо знать.

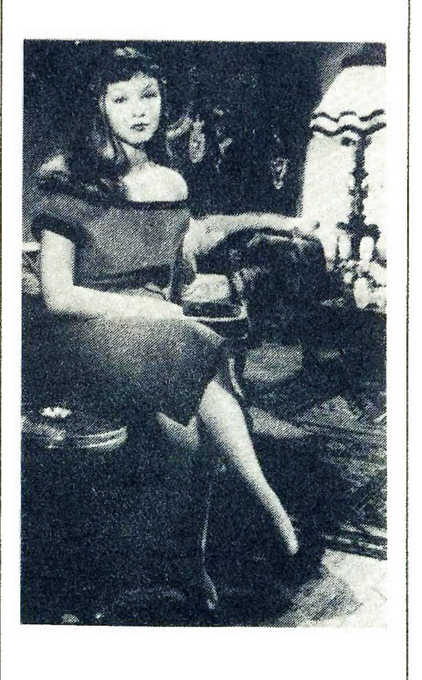
И еще, что меня особенно возмущало в воспоминаниях его новоявленных «друзей»: никто не рассказал, почему Володя умер в сорок два года. Не рассказал о том, как его, человека легкоранимого, со сложной внутренней жизнью, постоянно оскорбляли, унижали, мешали работать, отказывали во всем и в итоге буквально затюкали. Ему не давали ролей, о которых он мечтал. Фильмы с его участием клали на долгие годы «на полку». Запрещали спектакли, где он играл. Кто, кроме меня, находившейся рядом в эти трудные минуты, видел, чего стоили ему, его здоровью все эти оскорбления?

И я не могла больше молчать.

В 1985 году, когда я поняла окончательно, что Высоцкого издавать не будут — в этом я, к счастью, ошиблась,— что поток ужасных статей и интервью до неузнаваемости извратит его биографию и представление о нем, вот только тогда я и решилась написать книгу, чтобы оставить свое свидетельство об этом замечательном человеке. Решилась сказать правду, какой бы трудной она ни была. И написала ее, и изложила все так, как знала, как хотела.

Сначала книга вышла в Париже на французском. И имела успех. И вот в январе издательство «Прогресс» выпустило ее перевод, который сделала Юля Абдулова, дочь близкого друга Володи — Всеволода Абдулова. А представить эту книгу советским читателям я решила потому, что образ Высоцкого, созданный на основе прежних публикаций, довольно сильно отличался от того, каким его описываю я. У людей возникает по этому поводу масса вопросов — я это знаю по прошедшим встречам,— на которые они хотели бы получить ответ из первых рук.

НА ПУТИ К ИЗВЕСТНОСТИ

Юность, первые роли...

— Марина Владимировна, вы могли бы вспомнить какую-то смешную историю, случившуюся с вами и Володей?

— К сожалению, я совершенно не умею рассказывать смешные истории. О каких-то забавных случаях, которые с нами происходили, я написала в книге. А те, что не вошли в нее, на мой взгляд, не следует выставлять напоказ широкой публике. Пусть они останутся нашими с Володей личными тайнами, о которых знаем только мы двое.

Ну а смешного случается немало и сейчас. И оно касается не только меня, но, как это ни странно, и Володи.

Было запланировано, что в поездке я побываю в Крыму, Москве, Ленинграде, Алма-Ате, Перми. Когда знакомые узнают, что я полечу в Пермь, они страшно удивляются.

— Тебя, иностранку, пустят в этот город?

— А почему,— спрашиваю,— меня туда не должны пускать?

— Там,— отвечают,— «ящики».

— Какие «ящики»? Я ничего не понимаю.

— Такие, какие надо. Вот Володя бы понял все без объяснений.

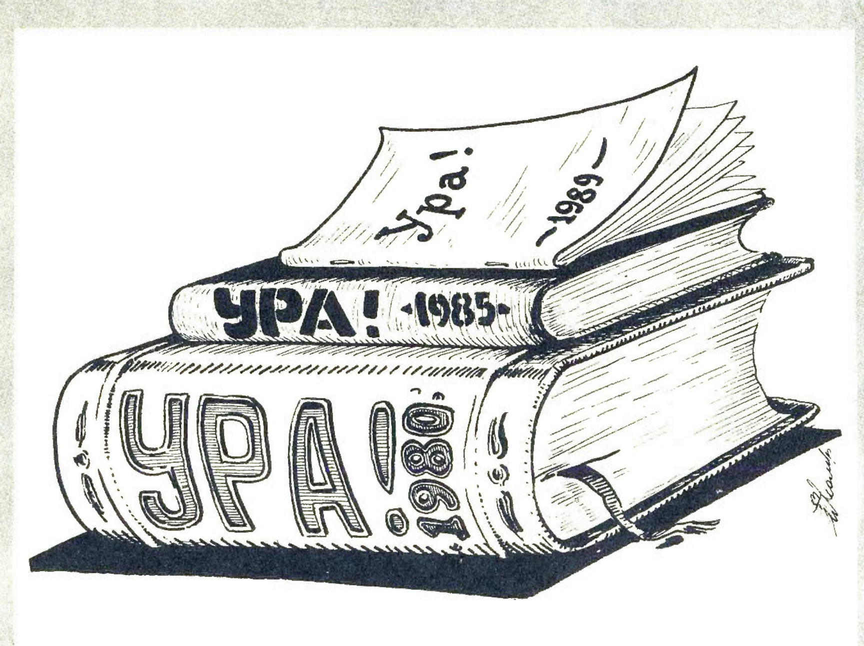
Может быть, и об этом ему надо было рассказать: иностранку не пугаются теперь пускать в город «ящиков».

Или вот вчера на концерте произошла довольно смешная история. Откуда-то с галерки мужчина, сильно подшофе, вдруг стал дико орать: «Вы тут собрались, жиды, и нашего Высоцкого позорите. Ты лучше бы бумагу, которую потратили на твою книгу, отдала на издание «Нерва». Нигде стихов Высоцкого не купишь!»

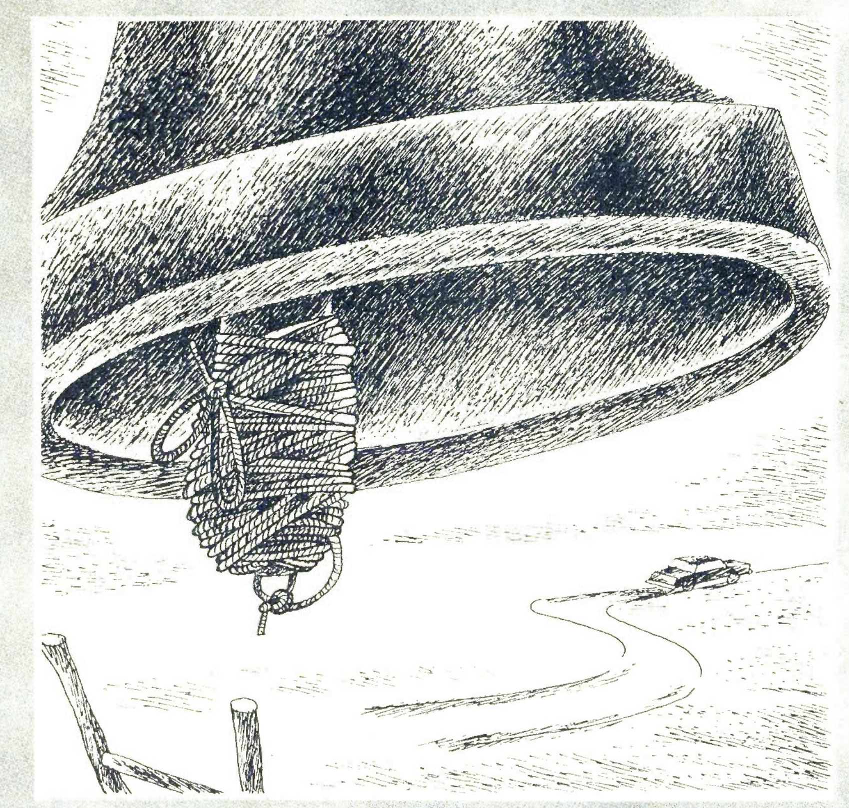
Такой вот мерзавец. Но я этому крикуну говорю: спускайтесь на сцену и высказывайте свои претензии отсюда. Что касается стихов Высоцкого, то я и так стараюсь делать все, что могу, чтобы его книги выпускались самыми большими тиражами. Не от меня только это зависит...

Кстати, тираж книги «Владимир, или Прерванный полет» — сто тысяч экземпляров. Этого, как оказалось, мало. Ее уже продают из-под полы спекулянты. По вопросам зрителей, приходящих на мои встречи, я чувствую, что они ее не читали. А обсуждать то, о чем не имеешь представления, по-моему, это тоже очень смешно.

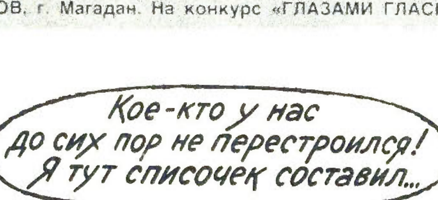
В гримерной Московского театра эстрады актрису подстерег Леонид ПЛЕШАКОВ.

А. МОЛЧАНОВ, г. Магадан. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

В. ХАХАНОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Н. БЕЛЕВЦЕВ, г. Белгород.

А. УМЯРОВ.

— Телезрители спрашивают: как вы обходитесь без мыла, сахара, мебели?

В. ЛУГОВКИН.

См. стр. 3

Марк ГРИГОРЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

РАВНЕНИЕ НА ЛЕВЫЙ ФЛАНГ,

или Как перекрыть кислород инициативе и предприимчивости

Все мы устали от очередей, нехватки товаров, от допотопной техники и плохого лечения. Но еще утомительней — глупые указания, заячья осторожность и нерешительность, прятанье головы в песок и стремление не высовываться. Шуму по поводу инициативы и предприимчивости много, а попробуй «проявиться» — и тут же получишь по башке. Дня не проходит, чтобы печать не сообщила об очередном Тарасе Бульбе — предприятии или организации, которая расправилась с очередным кооперативом по принципу: «Я тебя породил, я тебя и убью». И что характерно, так же, как Тарас, убивают не каких-нибудь кооперативных заморышей и недоносков, а крепких и здоровых богатырей.

...Два года назад, 20 мая 1987 года, решением № 2138 исполкома Кировского райсовета г. Москвы был зарегистрирован кооператив «Фархад». Убыточная ранее общепитовская точка превратилась в высокорентабельное предприятие. Организовал и возглавил шашлычную театральный режиссер по образованию и кулинар по призванию Фархад Михайлович Гасымов. Будучи натурой артистичной, Фархад в своих мечтах видел не доходный пункт питания, а своеобразный центр азербайджанской культуры, составными частями которого должны были стать национальная кухня и музыка, окна-витражи и кавказский колорит художественного оформления зала и кабинетов. Короче говоря, были напряженные дни и бессонные ночи, ремонт и обрудование помещения, разработка оригинального меню и создание собственного подсобного хозяйства в Подмосковье. Волнения и хлопоты совсем как перед премьерой в театре. И премьера состоялась. На ней, как и положено, присутствовали «отцы» района, мысленно аплодировавшие и устно благословившие новый кооператив.

Вслед за премьерой последовали рядовые спектакли, с которых зрители, простите, посетители уходили весьма довольные, о чем свидетельствуют более 500 благодарностей в книге отзывов. «Из трех недель, что я прожил в Москве,— записал почетный металлург СССР О. И. Кузнецов из города Красноярска,— из всех мест, где мне довелось обедать и ужинать, «Фархад» — единственное, где мне удалось это сделать спокойно и вкусно. Большое спасибо!». «Дорогие друзья фархадовцы! Мы стали вашими постоянными клиентами, хотя живем в противоположном конце Москвы,— пишут генеральный директор совместного предприятия «Интерправо» Матти Гренмред и его жена, заслуженная артистка РСФСР Галина Яцкина.— Проехав более 20 стран и зная разные кухни мировых стандартов, мы убедились, что вы умеете не только вкусно накормить гостей, но и создать для них приятную и интимную атмосферу». «Милых работников кооператива «Фархад» поздравляю с Новым годом! Счастья вам и процветания. Никита Михалков».

Воодушевленные сотнями добрых пожеланий своих посетителей, рентабельностью своего предприятия, фархадовцы стараются еще выше поднять марку заведения. Постепенно выкупается оборудование, данное трестом столовых, обновляется мебель и интерьер, заказывается фирменная посуда, расширяется подсобное хозяйство, чтобы обеспечить стол свежим мясом и овощами. Основная часть доходов направляется на развитие производства, ибо кооператив, исправно платящий налоги и отчисления в госбюджет, регулярно вносящий арендную плату, уверен в завтрашнем дне. Да и как может быть иначе, если партийные и правительственные решения убеждают, что кооперативное движение не очередная кампания, а стратегический курс нашей экономической политики.

Между тем другой самодеятельный режиссер готовил постановку нового спектакля, решив воспользоваться сложившейся труппой кооператива «Фархад». В своем дерзком замысле режиссер общественного питания (директор треста столовых Кировского района В. А. Сатмари) отринул традиционное реалистическое решение, разыграв пьесу по законам театра абсурда. Прелюдией спектакля стало распоряжение по тресту: «Для улучшения работы кооператива «Фархад», а также для оказания практической помощи назначить комиссию в составе...»

Улавливаете тонкость режиссерской затеи? Помощь не оборудованием, не специалистами, а строгой проверкой. Итак, первый акт, точнее, акт проверки: «Нарушений нет». Во втором акте на сцене появляются работники ОБХСС. Финал тот же — «нарушений нет». В третьем, четвертом и пятом актах в действие пьесы уже вовлечены Госбанк, СЭС, Госпожнадзор, Госторгинспекция, народный контроль. Финал все тот же.

Особенно оригинально построено второе действие. Оно целиком состоит из писем товарища Сатмари в исполком. Такого еще не знал мировой театр — на сцене одни письма. Гневные, взволнованные, негодующие. Кооператив «Фархад» представлен в них то невольничьим рынком, где торгуют женщинами, то средоточием вселенского зла, где с посетителя снимают нательную рубаху. Светлым фоном проходят типовые интерьеры подведомственных тресту столовых, где счастливые горожане с вожделением хлебают суп из тунца. Иногда из боковой кулисы выезжают на сцену столики кооператива «Фархад», покрытые чистыми скатертями, но запах парного мяса, вид свежей, как майское утро, зелени вызывают у граждан отвращение. «Куда девался милый сердцу таракан? Подайте нам тунца под маринадом!» — поет хор посетителей.

Третье действие открывает стремительный танец с саблями. Музыка нагнетает ощущение скорой расправы. В углу сцены директор треста Сатмари пишет уже не письма, а большие плакаты: «В связи с истечением срока договора на аренду помещения по адресу Б. Марфинская, 4, кооперативу «Фархад» необходимо освободить занимаемое помещение...»

Входит зампред исполкома А. Ф. Поддубский, он же председатель комиссии по индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности. Председатель несколько растерян.

— А не повременить ли? — робко вопрошает он.— Миновал только год, и вроде бы все у кооператива в порядке...

— Помилуйте, Александр Федорович,— укоризненно возражает директор треста,— с «Фархадом» надо кончать. Это же целое явление — я бы назвал его фархадовщиной — чистота, свежая пища, приветливые официантки! Можно ли терпеть дальше это позорное пятно на здоровом теле нашего района? А что, если все жители района захотят питаться чисто и красиво?! Это же политическая диверсия. Народ нас не поймет, а главное, не поймут и не поддержат первый секретарь райкома Анохин В. М. и председатель исполкома Озорников А. И.

...На протяжении четвертого действия перед зрителем рваными сценами разворачиваются события зимы и весны этого года. Исковое заявление треста столовых в суд... Суд отклоняет иск и рекомендует обратиться в Госарбитраж. Действие мчится в бешеном темпе. «Фархад» по собственной инициативе снижает цены... Трест столовых требует принудительного выселения кооператива из дома на Большой Марфинской... «Фархад» перечисляет деньги журналу «Юность» для проведения Всесоюзной независимой комплексной экологической экспедиции... Исполком принимает решение № 733 о роспуске кооператива... «Фархад» устраивает воскресные бесплатные обеды для ветеранов войны и труда... Комиссия по индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности объявляет «Фархаду» о прекращении его деятельности. При этом любезно сообщается, что кооператоры вправе обжаловать решение вплоть до Верховного Совета СССР... Наивные кооперативщики следуют этому любезному совету, наслушавшись разговоров о правовом государстве, но зампред исполкома А. Ф. Поддубский (в мае ставший председателем) отправляет предписание начальнику РЭУ-5 тов. Балтаеву А. Б., которым «просит произвести отключение энерго-, водоснабжения в помещении, где находится КООП «Фархад»... На сцене мелькают фигуры в комбинезонах: электрики с пассатижами, водопроводчики с гаечными ключами, милиционеры без ордеров и документов, производящие самочинные обыски... Занавес...

Что хотелось бы сказать автору в антракте перед началом пятого действия? Я отнюдь не прихожу в неописуемый восторг от каждого встречного кооператива. Дело это достаточно сложное и противоречивое, немало грязной пены бурлит на его поверхности. Не могу я влюбленными глазами смотреть на продавцов сладкой ваты или уличных шашлычников, потчующих своих клиентов жилистым мясом магазинного происхождения по ресторанной цене. Но вот парадокс: летучие дельцы живут припеваючи, пользуясь благосклонным покровительством и Советов, и милиции. Всякое же серьезное дело, будь то аренда земли, лечение зубов или стационарное кафе, дружно встречается в штыки, подвергается выкручиванию не только рук, но и головы. Поощряются хозяйчики на час, ловкачи и хваты, которым бы только вершки сорвать, не пуская корешков. Тем же, кто берется за дело всерьез и надолго, направляет прибыль на расширение и совершенствование производства, кто озабочен не сиюминутной выгодой, а стабильностью своей работы и честью кооперативной марки, ходу не дают. Может, потому и бурлит пена, потому и компрометируется кооперативное движение?

Понять такую политику можно. В самом деле, какой-нибудь щипач с пирожками или офеня с заколками и брелоками не конкурент госпредприятию. Зато «архангельский мужик» или Фархад смело могут потягаться с целым совхозом или трестом столовых. И не просто потягаться, а показать, как можно растить хлеб и скот, как лечить людей, как их кормить и одевать. Тогда, стало быть, и совхозам, и трестам придется равняться на правофланговых, а может, и хуже: сокращаться, увольнять лодырей, самоликвидироваться. Кому ж этакое по душе?!

Так что давайте, товарищи, не привередничать, давайте есть мороженое мясо, ходить с гнилыми зубами и хлебать из общего корыта. Равняйсь! Смирно! Равнение на левый фланг!

P. S. Последние новости подлетели, когда материал уже уходил в типографию. Прокурор Кировского района А. И. Ходус опротестовал как незаконное решение райисполкома о прекращении деятельности кооператива «Фархад». Но повременим радоваться. В телепередаче «Горячий телефон» вновь избранный председатель исполкома райсовета А. Ф. Поддубский, приветливо улыбаясь, сообщил, что кооператив может продолжать работать, только должен освободить арендованное помещение. Мило, не правда ли? Подумаешь, пустяки: вынести электроплиты и холодильники на улицы, расставить столики и продолжать. Милостивое дозволение это свидетельствует об удивительной обаятельности наших чиновников, умеющих разрешить так, чтобы погубить дело на корню.

Ирина СКОРОБОГАТОВА, специальный корреспондент Крокодила

КРУШЕНИЕ «КРУИЗА»,

или Способ заработать, не работая

На кооперативной ниве восходят порой странные растения. Бойкие шашлычники скупают в государственных магазинах мясо и продают его в копченом виде раз в десять дороже. То тут, то там закрываются общественные туалеты и затем открываются, но уже под кооперативной вывеской.

А недавно я побывала в Набережных Челнах, где разворачивались странные события. Едва после трудовой вахты набивались трудящиеся в автобус, как невесть откуда появлялись два дюжих молодца.

— Коопконтроль! — зычно объявляли они и начинали резво рыскать по автобусу, отлавливая безбилетников.— Пре-е-едъявите билет! — рявкали молодцы, загнав в угол очередного «зайца».

— Я не успел взять...— лепетал тот.— Я только сел.

В прокуратуру города посыпались жалобы: кого-то вытурили так стремительно, что пострадавший даже корзинку с валенками оставил. А валеночки-то тю-тю! Другие возмущались: а не похоже ли это на рэкет?

Обнаружить загадочных контролеров оказалось не так-то просто. В горисполкоме о них ничего не знали. Правда, начальник автотранспортного объединения М. А. Кузнецов с трудом припомнил, что как-то к нему явились странные посетители.

— Они назвались кооператорами-контролерами из Казани,— сказал он.— Но мы их отмели.

Однако, как видно, гости не поспешили выметаться, продолжив свою коммерческую деятельность.

Зато в Казани «коопконтроль» оказался в зените могущества. Кооператив «Круиз» бурно трудился на ниве транспортного управления.

— Неужели своих контролеров не хватает? — начала я издалека, заведя беседу с начальником контрольно-ревизионного отдела Ш. С. Хасановым.

— Почему же, хватает,— ответил он.— Но наши контролеры, как бы вам сказать... утратили боевой дух, если хотите, профессиональную злость.

И Шавкат Сулейманович нарисовал удивительную картину. Вместо того, чтобы вытрясать из нахала-безбилетника трешки, контролеры, оказывается, чуть ли не в обнимку с «зайцем» катались по городу. А иначе чем объяснить, что сумма убытков, которые наносят управлению неотловленные «зайцы», по приблизительным подсчетам, достигла почти четырех миллионов?

— Вот почему мы призвали на помощь «Круиз»,— сказал главный ревизор,— они обещали нам шестьдесят процентов прибыли, полученной в результате штрафования безбилетников.

Председателя «Круиза» И. А. Дондукова я застала, как ни странно, в некоторой растерянности, хотя деятельность возглавляемого им кооператива была вроде бы блестящей.

— Мы очистим от безбилетника всю страну,— заверил он.— Именно с этой целью заготовлены договора, по которым наши ребята будут освобождать транспорт от бессовестных «зайцев».

— Казань уже очистили?

И тут Игорь Александрович немного скис. Дело в том, что с родным городом отношения у кооператива не сложились. Вернее, они с автоуправлением наладились, и с Кировским райисполкомом, где зарегистрирован кооператив, тоже, но отставшие от веяний времени пассажиры мыслили консервативно. Даже те, что с билетом. Хоть тресни, не желали они общаться с контролером, махавшим перед ними мандатом с надписью «Круиз». Привык гражданин, что кооператор печет пирожки или, на худой конец, шьет юбки. Но чтоб контроль!..

Жаловались в райисполком, газету, прокуратуру. Уважаемые ведомства принялись давить на «Татрансагентство»: снимайте кооператоров с линии от греха подальше! Над «Круизом» нависли тучи.

— Но ведь наша деятельность не противоречит закону,— защищался И. А. Дондуков.

А ведь и верно — не противоречит. Эта «деятельность» была охотно зарегистрирована райисполкомом. Правда, она противоречит нормальным человеческим отношениям. Ведь известно, что ряды госконтролеров у нас не изрежены. Зачем же плодить кооперативы, которые ничего не производят?

Видимо, эта подмена и возмутила граждан. И неудивительно, что на вопрос молодцеватого коопконтролера: «Ваш билетик?» пассажир отвечал: «А пошел ты!..» Тут и до потасовки недалеко, ведь должен же тот, кто при исполнении, изъять штраф! И в случае увечий, не исключено, деятельность кооператива перестанет быть законной.

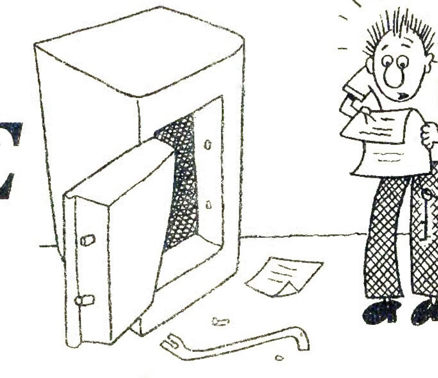
Набережные Челны — Казань.

P. S. Пока фельетон готовился к печати, кооператив «Круиз» под давлением общественности вынужден был отказаться от контролерской деятельности. Итак, казалось бы, здравый смысл восторжествовал. Но не торопитесь ликовать...

Кооперативы, деятельность которых вызывает ярый протест общественности, не такая уж редкость. Молодцы из кооператива «Искатель» получили солидную прибыль, скупив государственную картошку в Набережных Челнах и продав ее на сторону вдвое дороже. Но если оставшийся без картошки земляк «Искателя» отправится за продуктами в столицу, то он рискует угодить в лапы московского кооператива «Яблоко». Всего за шесть рублей коробейники из «Яблока» всучат ему колбасу, которая в государственном магазине за углом стоит трешку.

На этом фоне история «Круиза» представляется нам весьма поучительной.

СЕКРЕТ В ЗАКОНЕ

Порочная практика засекречивания нормативных актов сложилась при Сталине. Чем больше становилось «врагов народа», тем меньше была потребность в информации о своих правах у наших граждан, ряды которых заметно редели. Деятельность государственных органов длительное время была окутана туманной дымкой загадочности, покрыта вуалью, скрывающей от постороннего взгляда их подлинную физиономию и сущность. Одно время даже Кодекс законов о труде имел гриф «Для служебного пользования».

4 тысячи постановлений приняло правительство СССР в 1948 году. Его Управление делами для всеобщего сведения в «Собрании постановлений Правительства СССР» распубликовало менее ста таких актов. С 1950 года Собрание вообще перестало выходить. Позднее к нему вернулись, но старые принципы обнародования актов действуют, увы, и поныне.

Нет, если вы всерьез вознамерились иметь в личной собственности тексты вновь принимаемых Законов СССР, Указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений Совета Министров СССР, словом, все текущее законодательство, можете пойти на почту и выписать два периодических издания: «Ведомости Верховного Совета СССР» и «Собрание постановлений Правительства СССР». Благо на эти издания можно подписаться в любое время и без каких-либо ограничений.

Но сразу предупреждаем: в Собрании вы найдете далеко не все нормативные постановления Совета Министров СССР. Многие из этих актов пока что остаются недоступными для широкой общественности. И это на четвертом году перестройки, в условиях всемерной демократизации!

Так в чем же причина столь усеченной гласности?

Полная ясность лишь с актами, в которых имеются разовые поручения, рекомендации, распоряжения. Коли в таких актах нет норм, то и публиковать их не стоит. Значительная же часть постановлений все-таки содержит нормы права, но почему-то все равно не публикуется.

Может быть, издатель опасается, что не все решения будут правильно поняты населением? Или он не желает создавать нездоровый ажиотаж вокруг новых или значительно модифицированных трудовых, авторских или иных прав? Не уверен, что намеченные рубежи будут достигнуты в установленный срок? Боится, как бы принятые постановления не подверглись беспощадной общественной критике, а то и противодействию?

Попробуем встать, вернее, сесть на место высокопоставленных чиновников и взглянуть их глазами на некоторые последние постановления, не вошедшие в Собрание. На месте сих государственных мужей мыслишь сразу же как-то взвешенно, по-государственному. Видишь то, что не дано видеть простому смертному.

Мудро, ох, мудро поступили они, не напечатав, например, в Собрании про повышение должностных окладов и тарифных ставок работникам Театра юного зрителя и театров кукол, и про новые гонорары за произведения литературы и искусства. И раньше-то не было отбоя от желающих стать артистами или опубликовать свой опус. А если все население страны узнает, что авторский лист художественной прозы с 1 января 1989 года оплачивается до 600 рублей, то представляете себе, чем это может кончиться. Все кому не лень побросают работу и займутся сочинительством. А в итоге народное хозяйство лишится значительной части людских ресурсов, редакции будут завалены рукописями, а бумага станет таким же дефицитом, как сахар и мыло.

Проведав про новые оклады артистов, народ побежит записываться в театры. У многих специального образования не имеется, но зато большой практический опыт. Некоторые вообще всю жизнь играли то в работу, то в общественную деятельность, то в передовиков производства.

Вполне понятны и причины, по которым утаили от населения серию постановлений, предусматривающих действенные меры, направленные на улучшение жизни, быта и укрепление здоровья советских граждан, на преодоление дефицита товаров.

В этих актах бесспорно важные и нужные решения, крайне любопытные для всех нас. Но любопытствуем не только мы с вами, читатель,— вдруг на них наткнутся и наши недруги, которые спят и видят, как бы нам насолить?

Что будет, если они узнают о решении полностью удовлетворить потребность населения в необходимых лекарствах к 1993 году? Ясно что: наизнанку вывернутся, а сроки сорвут. А потом думай-гадай: чего это проектирование новых предприятий растянулось на десятилетия, новостройки стали долгостройками, а новые лекарства испытываются так долго, что в ходе испытаний устаревают?

В прошлом году не попало в Собрание решение о предоставлении финансовых или иных материальных льгот предприятиям, некоторым категориям работников, об отдельных исключениях из общих норм пенсионного законодательства.

Можно ли, спрашивается, было поступить иначе? Дашь льготы одним, начнут требовать и другие.

Чепуха все это, скажет иной дотошливый читатель, напрасно вы иронизируете: в специальном постановлении Совета Министров СССР, принятом более тридцати лет назад, говорится, что в Собрании подлежат опубликованию лишь постановления, имеющие общее значение, то есть содержащие нормативные предписания, которые рассчитаны на длительное действие либо широкий круг субъектов права. Остальные акты, ясное дело, остаются вне издания.

Да, есть такое постановление. Но, увы, не все акты, имеющие общее значение, публикуются в Собрании.

Например, в Собрание не попало «Положение о милиции в СССР». Видимо, издатель полагал, что оно касается только работников милиции. Население же этот акт никак не должен интересовать. А заинтересует, может у постовых спросить.

Необычные метаморфозы претерпело Положение о персональных пенсиях. Принятое в 1958 году, оно было опубликовано в Собрании. Стало быть, имело общее значение. Это же Положение, принятое в 1977 году, внезапно утратило всеобщий интерес и в Собрание не попало.

Ежегодно несколько десятков, а то и сотен постановлений общего значения мы не видим в Собрании. В то же время в нем постоянно публикуются постановления, которые не только не имеют общего значения, но и не являются нормативными.

Так, Собрание постоянно информирует своих читателей о назначениях на должности заместителей министров СССР и об освобождениях от этих должностей.

Может быть, родственникам вновь назначенного на столь высокий пост лица приятно иметь официальный текст акта. Для остальных же это событие имеет только познавательное значение.

Все это говорит об отсутствии какого-либо единого, неукоснительно соблюдаемого подхода к помещению в Собрании нормативных актов. Не зная полной и достоверной информации о своих правах, граждане нередко настойчиво предлагают принять нормы, которые уже давно действуют, но мало кому известны.

В печати, например, широко дебатируется вопрос о правомерности пропускной системы в министерствах и ведомствах, иных органах. И мало кто знает, что с 1957 года и поныне действует постановление Совмина СССР, согласно которому пропускная система в министерствах и ведомствах, за некоторым исключением, отменена. Разрешается вход по паспорту или удостоверению личности.

Но попробуйте сейчас проникнуть хотя бы в одно министерство по паспорту. Незаконная пропускная система действует повсеместно, запретившие ее нормы «забыты» бюрократами, а ШИРОКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ОНИ НИКОГДА НЕ БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ.

Но даже и в случаях опубликования постановлений в Собрании граждане о своих правах и обязанностях узнают со значительным опозданием. Согласно общему правилу, нормативные решения правительства СССР вступают в действие с момента их принятия, если иное не указано в самом акте. В то же время публикование решений в Собрании затягивается на несколько месяцев. И получается, что какой-то период нормы действуют, а мы о них ничего не знаем. А, как известно, незнание закона никого не освобождает от ответственности. Тем более что ни в одном сборнике Собрания вы не найдете даты — указан только год.

Мы убедились, что высокопоставленные чиновники зачастую оказываются единственными хранителями нормативных актов и доверенные им тайны раскрывают весьма неохотно. Чиновников можно понять — это помогает им ощущать собственную значительность, поднимает их еще выше над согражданами. Но можно понять и рядовых, так сказать, потребителей постановлений. У нас и так полно дефицита, не хватало еще, чтобы к дефициту, наряду, извините, с сырокопченой колбасой, отнесли и нормативные акты. Мы и так всю жизнь за что-нибудь сражаемся — что ж, теперь еще сражаться и за право узнать свое право?

Не хватит ли с нас сражений? Не пора ли принять Закон СССР о порядке опубликования законодательных актов и постановлений правительства?

В. СЫРЫХ, старший научный сотрудник Института советского государственного строительства и законодательства.

КАК БЫТЬ С ЮМОРОМ?

Юмор на страницах журнала «Вопросы литературы» просто и совершенно неуместен. Это мнение, как и всякое мое мнение, суждение, желание, сомнение, соображение, понимание, заблуждение, интенция и потенция, окончательно и обсуждению, как и обжалованию, не подлежит.

И сейчас я вовсе не собираюсь обсуждать этот вопрос. Просто пользуюсь случаем лишний раз изложить свою абсолютно бесспорную точку зрения.

Дело в том, что литераторы вообще и литературоведы в особенности — это люди тонкие, многогранные, глубинные, амбивалентные, полифоничные, культурные, структурные, системные, гуманитарные, межтекстуальные и антиклаустрофобичные. И они рассчитывают на то, что читатель их поймет. Иначе говоря, будем относиться к ним так, как они сами к себе относятся, то есть с полной серьезностью. Какой же тут может быть смех? Что пользы в том, ежели какой-нибудь уже давно уважаемый автор журнала изложит свою очередную совершенно небывалую и удивительно обоснованную теорию или там концепцию, а в отделе юмора появится на нее пародия и все увидят, что эта, с позволения сказать, концепция — пустой набор слов? Ведь смеяться будут, а это может отпугнуть давно уважаемых авторов от журнала.

Или: почти в каждом номере мы печатаем абсолютно свежие новые материалы. И вдруг тот же самый, извините, отдел «В шутку и всерьез» вытаскивает из какой-то пыли — даже чихнуть хочется! — столетней давности шуточки, перепечатывает, и оказывается: эта самая свежесть не только уже существовала сто лет тому назад, но над ней тогда же успели посмеяться! (Например, рассказ Аркадия Аверченко 1920 года.) Кому это нужно? Для чего? Никому это не нужно. Нам нужно, чтобы нас воспринимали так, как мы сами себя понимаем, а мы люди оригинальные, интеллектуальные, феноменальные, эмерджентные и суггестивные.

Словом, нам юмор мешает. Вносит дискомфорт в наш духовный мир. Мы анализируем, интерпретируем, экстраполируем, эвалюируем, эволюционируем, и в этот самый торжественный момент кто-то будет нам под руку хихикать? Не пойдет! Мы решили выдворить смех и все смешное со страниц нашего журнала куда глаза глядят. А если журналу «Крокодил» так уж нестерпимо желательно приютить наш излишний юмор, что ж, пожалуйста, нам ничуть его не жалко. Мы вам за это еще и спасибо скажем.

Дмитрий УРНОВ,
главный редактор журнала «Вопросы литературы», Почетный член Всебританской ассоциации любителей рысистых бегов.

Аркадий АВЕРЧЕНКО

РАЗРЫВ С ДРУЗЬЯМИ

Вы — грязны, оборваны. На вас неумело заплатанное, дурно пахнущее платье. Давно не бритая щетина на лице, пыльные, всклокоченные волосы, траур на ногтях, выпученные на коленках брюки и гнусного вида стоптанные опорки на ногах.

Представьте себе это.

Вы — опустившийся, подлый, пропитанный дешевой сивухой ночлежный человечишка, и вдруг в одном из гнилых, пахнущих воровством переулков вы встречаете своего прежнего друга — представьте себе это.

Он одет в черное прекрасно сшитое платье, на руках свежие замшевые перчатки, на голове изящная фетровая шляпа, из-под атласного лацкана пальто виден чудесно завязанный галстук, приятно выделяющийся синим пятном на белоснежном белье. Только что выбритые щеки еще не успели покрыться синевой, на них еще остался еле уловимый след от дорогой пудры. Ноги обуты в изящные лакированные ботинки, с замшевым верхом, а пахнет от вашего прежнего знакомого герленовскими духами.

Он добр. Он радушен. Он не замечает вашей гнусности, оскудения и грязи.

Радостно протягивает к вам руки и приветливо восклицает:

— Ба, приятная встреча! Ну, пойдем. И-и, нет, и не думай отказываться. Пойдем со мной в ресторанчик, тут есть такой с кабинетами,— закусим, выпьем, старину вспомним. Ну же, друг, не ломайся!

И вот вы с ним — в теплом, чистом кабинете ресторана. На столе свежая икра, этакие свежие, влажные зерна — до того крупные, что их пересчитать можно; и к икре поджаренные гренки; ветчина розовая, тонкая, прозрачная, как кожа ребенка; и желтый балык, нарезанный так, что похож на бабочку, раскинувшую крылья,— упругий, с хрящиком, осетровый балык; и бутылка шампанского «Кордон-Вэр» кажет свое зеленое горло из серебряного ведра со льдом.

А друг ваш небрежно роняет благоговейно слушающему лакею:

— Ну дайте что-нибудь горяченькое. На первое ушицы можно, если стерлядка подвернется, а на второе — ну, что же... Котлетку можно «Мари-Луиз» и спаржи, что ли...

И тут же, отпустив слугу, радушно поворачивается к вам и говорит красивым, вежливым языком, без брани и заушения, к чему вы так привыкли в вашей ночлежке:

— Ну-с, так вот, значит, так. Рад тебя видеть, очень рад. А я, брат, только что из-за границы. Прожил два месяца в Виареджио, проскучал недельку в Милане, преотчаянно влюбился в одну американку в Остенде и, чтобы излечиться от страсти, махнул обратно в нашу милую Россию. Ну, здесь что? Встречаешь кого-нибудь из старых приятелей? Я слышал, князь Сергей женился и уехал в свое подмосковное. А наш милейший Боб? По-прежнему занимается коллекционерством фарфора? А его папа, как и раньше, проедает третье баронское наследство на ужинах у Кюба? Говорят, его лошадь победила на дерби? Что ты сидишь такой скучный, а? Да развеселись же, голубчик! Честное слово, ты раньше был жовиальней!

— Ма пароль! «Князь Сергей», «Виареджио»... А вот мне вчера Сенька Обормот... чуть голову не проломил бутылкой от денатурата — это тебе не Виареджио!

И вы сидите против него, грязный, небритый, весь окутанный еще не остывшими ночлежными заботами, и этот голос из другого, чудесного, недоступного для вас, ушедшего от вас мира доводит вас до того (представьте себе это), что вы вот-вот сейчас броситесь на него, вцепитесь в горло и с ненавистью начнете рвать сверкающее белье на беззаботной груди.

Впрочем, это все присказка.

А сказка — тяжелая, мрачная, угрюмая — впереди.

Идя в ногу с общей жизнью, я чувствовал себя грязным, небритым, опустившимся человеком.

Но в левом углу, на деревянной полке, расставлена у меня пестрая компания старых друзей, которых я так любил раньше, без которых дня не мог прожить и от которых я сейчас шарахаюсь как от чумы.

Потому что удовольствия от встречи с любым из них — на час, а расстройства — на целый день.

Я не могу. Я отравлен. Я не виноват, хотя друзья мои остались те же — ни одна буквочка в них не изменилась, а вот я другой; я — бывший человек из ночлежки Аристида Кувалды.

Я — грубое, мрачное, опустившееся на дно существо, а они все такие чистенькие, корректные, напечатанные на прекрасной белой бумаге и облаченные в изящные золоченые коленкоровые переплеты.

Ну, хорошо; ну, ладно; вот я беру с полки одну книгу, развертываю ее, читаю.

Могу я так сосредоточиться, как раньше?

О чем написано в этой книге? Почему эти голоса звучат, как доносящиеся из другого, будто навсегда погребенного мира?

Ну, вот я читаю, по прежнему времени, самые невинные строки:

«Она опустила голову низко-низко и, машинально катая тонкими пальцами хлебные шарики, шептала: — Если ты хочешь доказательств — я брошу для тебя детей и разведусь с мужем».

Ну, вот я читаю это. И вы думаете, что моя мысль следует за разворачивающейся драмой женской души?

Как бы не так! Черта с два!

Главная мысль у меня такая: катает хлебные шарики... Ишь ты! А хлеб-то небось не по карточкам? В очереди не стояла, дрянь этакая, так можно катать, не жалея хлеба!

«— Чтоб потом я же оказался палачом, разлучником с твоими детьми! — крикнул он, стукнул по столу так, что тарелка с маслом, стоявшая на столе, задребезжала»...

Стучи, стучи! Небось, если б, как теперь, масло стоило пять тысяч фунтик, не постучал бы! А интересно, где они его доставали? Наверное, в молочной покупали. Посмотри-ка ты на них! Сливочное масло лопают, да еще ссорятся!

Бросаю эту книгу, беру другую.

«Прошло уже несколько лет, но перед его глазами как живая, стояла эта страшная картина: раненый человек полулежит на земле и между его пальцами струится кровь из раны на груди. Лицо его постепенно бледнеет, глаза затуманиваются какой-то пленкой»...

Подумаешь, важность! Да я в позапрошлом году видел, как расстреляли на улице днем восемь человек, и то ничего. Вели их, вели, потом перекинулись словом и давай в упор расстреливать. Так уж тут, при таком оптовом зрелище, нешто разглядишь, у кого «глаза туманятся какой то пленкой» и кто «постепенно бледнеет»? Ухлопали всех, да и пошли дальше.

И сразу после этого делаются неинтересными все те кисло-сладкие подробности о том раненом, который, как потом оказалось, и не умер вовсе.

Бросаю эту книгу, беру третью.

«— Так ты меня жди в Крыму,— сказал он, нежно целуя ее.— Когда соскучишься, пришли ко мне в Питер срочную. И через двое суток я в твоих объятиях».

Тьфу! Даже читать противно: «срочная из Крыма в Питер», «через двое суток»...

А срочную через двадцать дней не хочешь получить?

А полтора месяца не хочешь ехать?

А из вагона тебя батько Махно не вышвырнет, как котенка?

А Петлюра деньги и чемодан у тебя не отнимет?

Все ложь, ложь и ложь!

Все — расстройство моей души. Все — напоминание о том, когда мы еще не были «бывшими людьми».

Простите вы меня, но не могу я читать на пятидесяти страницах о смерти Ивана Ильича.

Я теперь привык так: «Ковальчук нажал курок; раздался сухой звук выстрела. Иван Ильич взмахнул руками и брякнулся оземь.— Следующий! — привычным тоном воскликнул Ковальчук».

Вот и все, что можно сказать об Иване Ильиче.

Прощайте, мои книги, прощайте, мои верные друзья! Сжечь бы вас, каналий, следовало за то, что так можете человека расстроить.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ «ПАРНАС ДЫБОМ»

Книга «Парнас дыбом» впервые вышла в харьковском издательстве «Космос» в 1925 году. Она состояла из пародий на классических и современных поэтов и прозаиков — от Гомера и Данте до Зощенко и Демьяна Бедного. Авторы книги — Э. С. Паперная, А. Г. Розенберг и А. М. Финкель (в ту пору молодые филологи) — были и в первом издании, и в последовавших за ним еще трех обозначены как «составители» с указанием только инициалов.

«Тайна» рождения книги была раскрыта в публикации «Парнас дыбом» (Из истории советской литературной пародии) («Вопросы литературы», 1966, № 7): Э. Паперная и А. Финкель выступили тогда с заметкой «Как создавался «Парнас дыбом», а также с новыми пародиями на современных литераторов.

Предлагаем вниманию читателей пародии из вышедшей недавно книги «Парнас дыбом». Пользуемся случаем, чтобы напомнить читателям, что «Вопросы литературы» боролись за ее переиздание с 1966 года...

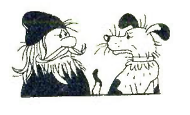
Анна АХМАТОВА

Я бедный попик убогий,
живу без улыбок и слез.
Ах, все исходил дороги
со мною немощный пес.

Обветшала грустная келья,
скуден мяса кусок.
И его в печальном весельи
куда-то пес уволок.

И смерть к нему руки простерла...
Оба мы скорбь затаим.
Не знал я, как хрупко горло
под ошейником медным твоим.

1914 г. (Э. Паперная).

Константин БАЛЬМОНТ

В искрах лунного сиянья
сквозь лучей его мерцанье
вижу смутно очертанья
я старушки и козла.
Пьют любви до края чашу
все слияннее и краше,
но козла в лесную чащу
злая сила увлекла.

Волки мчат во мраке ночи,
это искрятся их очи,
в час глубокий полуночи
козлик в жертву принесен.
На траве белеют ножки,
козьи ножки, козьи рожки,
и старушка по дорожке...
...Старый, милый детский сон.

1899 г. (А. Розенберг).

Александр ТВАРДОВСКИЙ

В стороне родной Смоленской,
За околицей села,
В бедной хате деревенской
Бабка старая жила,
Да по слабости по женской
Завела себе козла.
И на серого любимца
Надышаться не могла.
Знать, недаром говорится,
Что любовь бывает зла:
Мол, как сердце разгорится,
Так полюбишь и козла.
Козлик, даром что скотина,
Заскучал не без причины
(Примечай, куда я гну):
Род козлиный — что мужчины,
Подавай им новизну.
Не мила изба родная
И двора того не жаль,
Где от самого от края
Открывалась даль степная,
А за ней лесная даль.
Вот он, лес! В строю могучем
Встали сосны, словно полк,
А из чащи из дремучей
Злой бедою неминучей
Тут как тут явился волк.
. . . .
Бабка следом, что есть духу,
Прямо в лес. Ни боже мой!
Рожки козлика старуха
Унесла к себе домой
И омыла их, горюха,
Горькой бабьею слезой...
«На старуху есть проруха» —
Было сказано не мной.

1946 г. (Э. Паперная).

Станислав Ежи ЛЕЦ

НЕПРИЧЕСАННЫЕ МЫСЛИ

Будь реалистом — не говори правды.

Положительных героев необязательно создавать. Достаточно их назначить.

Искусство идет вперед. За ним следуют конвоиры.

Симптомы исторических бурь? Потом долго еще ломит кости.

Свободе присуща извращенность: она отдается своим противникам.

Там, где поют в унисон, слова не имеют значения.

У него была мания преследования. Ему все казалось, что за ним кто-то ходит. А это был всего лишь сотрудник следственных органов.

Из проблем права: до какого количества трупов допустимо ошибаться?

Когда у иных вынимают изо рта кляп, они немеют от восторга.

Не все Авели могут себе позволить иметь собственных Каинов. Приходится довольствоваться общими.

Иметь бы столько слушателей, сколько подслушивающих!

Написал: «Поголовье скота растет». Оптимист? Пессимист?

Разрушая памятники, сохраняйте пьедесталы. Всегда могут пригодиться.

Используйте опыт орнитологов. Чтобы писатели могли развернуть крылья, надо дать им свободу пользоваться перьями.

Я знаю, откуда идет легенда о богатстве евреев: они за все расплачиваются.

Перевод с польского Владимира РОССЕЛЬСА.

ФРАШКИ

О ДАНТЕ

**Звать Данте гением не надо,
он дилетант в вопросах ада.**

О БЕЗЗАКОНИЯХ

**Беззакониями каждый из нас возмущен
и сам устанавливает закон.**

БАЙКА О БЕЛКЕ

**Решила белка втихомолку
полюбоваться на двустволку;
нашла подружку в ней по взглядам,
теперь висят на стенке рядом.**

О МОДЕ

**Понимаем мы толк в бонтоне!
Ну-ка модный откроем альбом:
под каким, интересно, углом
носят головы в этом сезоне?**

ИЗ МЕДИЦИНЫ

**О болезни века шепну тебе, мой друг:
многим кровь чужая бесследно сходит с рук.**

СЛОЖНОСТИ

**С вертела слезть самому ох как сложно,
даже когда уверяют, что можно.**

ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ

**Он даже в кабаке не мог, бедняга,
надраться без развернутого стяга!**

Перевод с польского Михаила НОВОЖИЛОВА.

Материалы в редакцию доставил Михаил АНДРАША.

УГОЛОК ДУБОВА

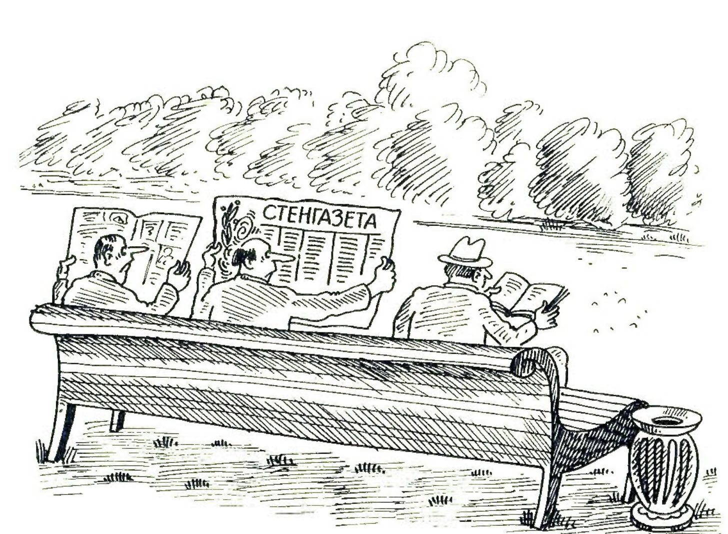

— Скажите, товарищ, а вы умеете хранить тайны?

«О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух...»

ЧТО ВЗАМЕН?

Близкий знакомый Льва Николаевича Толстого литератор П. А. Сергеенко рассказывал, как однажды в Ясной Поляне некий полковник Генерального штаба, выслушав пространную речь Толстого обо всем, что закрывает человеку пути к счастью и должно быть уничтожено, заметил:

— Прекрасно-с!.. Я понимаю... Ну, допустим, все указанные вами препятствия будут вами уничтожены. Но что же вы дадите людям взамен?

Толстого это непонимание, видимо, огорчило. Он готов был наговорить резкостей, но сдержался:

— Представьте себе, что вы лечились у доктора... — обратился он к «основательному» полковнику.— И он вас вылечил. Но вам этого мало, и вы, уходя, спрашиваете: а что же вы мне дадите взамен?..

Полковника это озадачило. А Лев Николаевич продолжал, все более горячась:

— Да ничего! Ничего!

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ЖЕЛЕЗА И ЖЕСТИ

В старой Москве начала XX века еще красовались вывески типа «Портной Иван Федоров из Лондона и Парижа». В Калошном переулке торговал «Кондитер Егор Степанов, зять Егорова». Неподалеку, у Никитских ворот, красовалась вывеска: «Склеиваю фарфоровую посуду, чиню и заливаю резиновые галоши. Музыкант Завелев».

А вот вывеска одной из кухмистерских: «Обеды до двух часов дня. У жены — до 12 часов ночи». В другом месте под надписью «Рубцы по-домашнему» было добавлено: «Внутренности хозяйские».

Некий учитель танцев вывесил следующее объявление: «Выучиваю бальным и характерным танцам местных жителей в три месяца, иногородних — в три дня».

А вот и старая театральная афиша: «Квартет братьев Мальчугиных, из коих одна сестра...»

НЕИСКУШЕННЫЙ ЗРИТЕЛЬ

В. И. Немировича-Данченко на балетном спектакле «Пламя Парижа» спросил соседа по партеру: «Когда же петь-то начнут?» — «Это балет,— ответил назидательно Владимир Иванович,— в балете не поют». И тут же на сцене запели «Карманьолу» (таков был замысел постановщика). Сосед посмотрел на Немировича с сожалением: «А ты, старик, видать, первый раз в театре...»

Близнецов («ССС») нянчили А. БЕЙЛИН, М. СТОЛИН (г. Киев) и В. СТАНДАРОВ.

Рэм ПЕТРОВ, специальный корреспондент Крокодила

СТРАСТИ ПО СОБОРУ

Историко-культурные баталии с Министерством обороны

Главное управление охраны памятников Министерства культуры РСФСР располагает весьма ценным досье — всероссийским списком архитектурно-исторических шедевров, находящихся под государственной охраной. Ценно это досье, помимо его скрупулезности, еще и тем, что по нему можно проследить превратности судеб указанных шедевров в период новейшей отечественной истории.

Особенно примечательно выглядят сведения, касающиеся употребляя казенный термин, религиозно-культовых учреждений. Тут можно встретить удивительнейшие превращения, начавшиеся, как догадается поднаторевший нынче в истории читатель, в 20 — 30-е годы. Пройдемся же взглядом по спискам, особо выделяя памятники республиканского значения.

Архангельская область: Антониево-Сийский монастырь XVI—XVII вв. ныне представляет собой склад пионерлагеря; Спасо-Обыденная церковь в с. Сольвычегодске — универмаг; Николо-Карельский монастырь XVIII в.— филиал Северного машиностроительного предприятия. Ленинградская область: Троицкий Александро-Свирский и Преображенский Александро-Свирский монастыри — психиатрические больницы. Татарская АССР: ансамбль Раифской Пустыни отдан СПТУ. И, как символ атеистического прагматизма, колокольня Троицкой церкви XVII века в Ильинском районе Дагестанской АССР используется в качестве водонапорной башни.

Как видим, возможны разнообразные, подчас весьма экзотические варианты. Однако заголовок фельетона предопределила особая категория принадлежности памятников. Речь пойдет о непростых взаимоотношениях радетелей за сохранность духовного наследия с могущественным Министерством обороны.

Оно, как следует из вышеупомянутого досье, сегодня распоряжается почти сотней разнообразных архитектурных памятников. Приведу несколько примеров опять-таки республиканского значения. Воинскими частями, казармами, контрольно-пропускными пунктами, штабами ГО и пр. заняты: два монастыря во Владимирской области, архитектурный ансамбль в Горьковской области, памятник архитектуры в г. Архангельске, монастыри в Калининской и Ленинградской областях, монастырь в г. Свердловске... Так уж сложилось, что большинство крупнейших отечественных историко-архитектурных ансамблей представляют собой именно монастыри и другие, как их долго и сухо называли, «культовые застройки». Так уж сложилось, что расположение монашеских келий прекрасно соответствует казарменной планировке, а соборные площади в монастырях — идеальное место для строевой учебы.

«Ну и что? — спросит скептичный, но неискушенный читатель.— Что им будет-то, монастырям? Стены крепкие, своды прочные, из пушек по куполам небось не палят... А кто из штатских граждан хочет, может приходить и любоваться... Если пропустят через КПП...»

Но вот тут-то автор, что называется, «имеет возразить». На примере Новотихвинского женского монастыря, что в городе Свердловске. Монастырь представляет собой (вернее, должен бы представлять) историко-культурный заповедный центр.

Монастырские неприятности начались в середине 30-х, когда высоким решением обитель монахинь передали Уральскому военному округу (об уровне тогдашнего правосознания свидетельствует хотя бы тот факт, что борцы с религиозным культом даже не потрудились составить государственный Акт о передаче землепользования). Монахини растворились в эпохе индустриализации, а в стенах монастыря расположились военный госпиталь, квартиры комсостава и военный склад, под который был отведен главный монастырский храм — собор Александра Невского.

Последующие три десятка лет принесли определенные итоги: колокольня собора была укорочена на несколько метров, интерьеры построек изуродованы штукатуркой и железобетонными перекрытиями, из шести церквей — монастырь не из маленьких — уцелели лишь три, одна из них осталась без куполов.

К счастью, в 1961 году собор Александра Невского (только собор) был отмежеван от госпиталя и передан областному краеведческому музею, стесненному своими сотнями тысяч единиц хранения; а с 1961 по 1976 год музей вел неравный бой с УралВО, чтобы заставить его (ВО) выполнить трижды возобновляемое решение (1961, 1967, 1972 гг.) горисполкома о передаче музею малой части монастырской территории площадью в 1,4 га, прилежащей к собору. Переписка музея по этому поводу содержит более сотни входящих и исходящих писем, причем исходящие пестрят эпитетами типа «самоуправство», «осквернение» и «варварство». Апофеозом пятнадцатилетней переписки явилось следующее письмо доведенного до исступления директора музея:

«15 июля 1974 г.

г. Москва,

СОВЕТУ МИНИСТРОВ СССР

19 июня 1974 года Свердловский краеведческий музей обращался к министру обороны СССР с письмом № 447, в котором сообщал о беззаконии, допускаемом Уральским военным округом на территории музея. Это был прямо сигнал бедствия. Однако прошел уже месяц, но Министерство никак не реагирует. Мы считаем, что это говорит о наличии порочных методов в работе Министерства, а оно ведь возглавляется членом Политбюро ЦК КПСС.

Убедительно просим вмешательства Совета Министров СССР.

Директор музея А. Д. Бальчугов».

Письмо, представьте, возымело действие, и служившие предметом тяжбы полтора гектара «отошли» к музею во славу отечественной культуры.

В последующие (как и предыдущие) пятнадцать лет происходили следующие события: местные музейщики, культурная общественность и ВООПИКовцы безнадежно просили у УралВО отдать монастырь, УралВО уродовал архитектурный ансамбль железобетонными корпусами разрастающегося госпиталя, стены монастыря разрушались.

Последняя попытка работников Свердловского совета ВООПИК повлиять на события относится к весне прошлого года. Руководство штаба округа выслушало просьбу... нет, даже не о передаче музею монастыря, а лишь о «рассмотрении перспективы такой возможности», затем направило ходоков к начальству госпиталя, а то справедливо подметило, что без согласия штаба ничего сделать не может. Круг замкнулся, а после замыкания, как рассказала мне нынешний директор музея Н. А. Узикова, штаб округа предпринимает попытки заиметь все же тот самый акт о землепользовании, не полученный еще в далекие 30-е годы. Правосознание общества, конечно же, растет.

Весною этого года свердловская общественность снова постучала в двери штаба ВО. Военные согласились, что «надо принять меры по прекращению строительства на территории монастыря», а в дальнейшем «разрабатывать меры по реставрации»...

Дождутся ли свердловчане ясной и точной программы действий, подкрепленной реальными делами?

* * *

Автор имеет основания полагать, что Министерство обороны — не самое бедное ведомство в СССР, и уж побогаче, чем Министерство культуры. Именно поэтому автор и поставил публицистический акцент именно на тех памятниках архитектуры и истории, которые находятся в руках военных. Может быть, в эпоху сокращения вооружений Министерство обороны, располагающее солидными средствами и фондами, включится в благородную миссию по возрождению нашего культурного наследия в тех случаях, когда оно, министерство, волей-неволей оказалось причастным к разрушению оного наследия? Это было бы гораздо полезнее, чем взирать равнодушно, как за счет скромных городских средств и энтузиазма местной интеллигенции все тот же собор Александра Невского кое-как залечивал свои, в недавнем прошлом военно-складские, фасады и интерьер.

Добрая воля необходима, ибо, как показывает пример с Новотихвинским монастырем, трудновато все же горисполкому и музейным сотрудникам тягаться с могучим министерством...

Видимо, надо быть реалистами. Не стоит требовать «повальной» музеефикации всех старых построек; имеет смысл определить, что является в лучшем случае своеобразной достопримечательностью городского пейзажа и, возможно, требует лишь восстановления фасадов, а что́ — уникальными культурно-историческими памятниками.

В последнем случае абсолютно необходимо их освобождение от ведомственной эксплуатации, квалифицированная реставрация и возвращение в «лоно культуры». Памятники, представляющие особую архитектурную, историческую ценность, должны быть переданы либо церкви, либо музейным объединениям. Решающее слово в определении судеб памятников должно принадлежать компетентным людям — представителям церкви, советам ВООПИК, искусствоведам.

Конечно, на это нужны средства, и немалые, непосильные для городских бюджетов. И если тот же свердловский монастырь решено будет передать, скажем, церкви — возможен, видимо, и такой вариант? — то расходы, думается, могло бы взять на себя Министерство обороны «на паях» с церковью. Если же монастырь станет музеем — то военные смогут поделить затраты с Министерством культуры и местным бюджетом. И в том, и в другом случае поможет материально и местный совет ВООПИК... Ну, а уж если помянутые выше сведущие в истории и культуре люди «откажутся» — что маловероятно — от монастыря, то в этом случае будет прямой обязанностью военных хотя бы поддерживать достойный внешний вид городской достопримечательности.

Было бы желание!

г. Свердловск.

Лимитчиков согнали, мин херц!

С-Петербург-строй

Начальник СМУ

Меншиков

В. МОЧАЛОВ, В. ТИЛЬМАН (тема).

В. ИВАНОВ, г. Ярославль.

АЭРОВОКЗАЛ

— Извините, вы случайно не на юг летите?

А. СКОТАРЕНКО.

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

ПАЛЬБА ПОСРЕДИ ЛЕТА

Едва десятый хриплый «Бом!» старинных напольных часов завис в воздухе, в уютную залу вошли судьи. Но их одежды не были черными, лица — бесстрастными, а руки — опущенными. Напротив: одежды были белее талонного сахара, лица — радостнее, чем у помывшегося банным мылом, а руки — вскинутыми вверх, точно их владельцев обеспечили жильем раньше 2000 года!

Вольготно расположившиеся в торжественной зале Ювеналы-заочники встретили белосахарное судейство с таким неподдельным ребяческим ликованием, что можно было подумать: закон о новом налогообложении на них не распространяется.

Что же происходило в нарисованном художником Л. Насыровым (см. № 15, 1988 г.) воздушном особняке, украшенном классической колоннадой и лепной надписью по фронтону: «Профессиональный клуб любителей-сатириков»? А не больше не меньше как представление материализовавшейся робкой надежды марафонцев-мечтателей, грезивших об издании своих стихотворных перлов отдельной книжкой. Уловив их чаяния еще два года назад, Крокодил направил судейской коллегии предписание, до поры не подлежавшее огласке: присматриваться к наиболее резвым и метким бегунам-стрелкам и самую интересную «дичь», подстреленную ими в социальных дебрях, складировать под одной общей крышей.

Теперь эта крыша перед вами, достопочтенные участники и болельщики турнира, и являет она собой обложку долгожданной крокодильской книжки «Трусцой на Парнас!».

— Выход в большой свет этой небольшой книжки,— заявила аудитории судейская коллегия,— крупное событие для нашего сатирического читательского фестиваля, длящегося уже — шутка сказать! — три года и превратившегося поистине во всесоюзный. Поэтому и было решено отметить его торжественной встречей — при буйстве свечей и пышущем жаром камине — в новеньких стенах воздушного особняка, поэтому вскинутые судейские руки размахивали книжками, богато иллюстрированными все тем же выдумщиком Леней Насыровым, поэтому вместе с нами сейчас ликуют все наши заочные гости, которые любят сатирическую поэзию и следят за турниром. Заглянем же в овеществленную мечту парнасцев, источающую изысканный типографский аромат... Первое, что задерживает взгляд,— табло турнира, отображающее его итоги в весьма впечатляющих цифрах и фактах... Перевернув же титульный лист, читатель услышит... «Выстрел посреди лета». И тут же узнает «По ком палили», «Кого подстрелили» и «Что сталось со стрелками». Иными словами, прочитав краткое предисловие, совершит полудетективный экскурс в историю турнира и вернется из путешествия в твердом убеждении, что затевались бега с благородными целями и принесли весомые практические результаты. И хотя поначалу читателя охватит легкое изумление, когда эти результаты предстанут перед ним в виде... пяти подстреленных зайцев, он скоро разберется, что вес каждого куда больше, чем у всех зайцев дедушки Мазая, вместе взятых.

— Внутренняя структура книжки,— углублялись в предмет судьи,— отображает естественные эволюционные процессы, происходившие в турнире. А начиналось все со спорта. Старожилы турнира и сами, конечно, помнят о пораженных ими мишенях...

— Еще бы! — живо отозвалась гостья-заочница Елена Штепа, приславшая сатиру, как она выразилась, «с родины Гоголя», то есть с Полтавщины. И, ударившись в воспоминания, продекламировала:

Когда-то кузнец черевички-обновку
Капризной Оксане привез от царицы.
Теперь он в тоске: «Попросила кроссовки!
Сам черт не достанет их даже в столице!»

Когда одобрительный гул в адрес 1-го раздела книжки утих, судейская коллегия оповестила энтузиастов, что следующий эволюционный виток турнира, направивший сатирический огонь против косности мышления, нетрудовых доходов и скверного качества продукции, нашел адекватное отражение во 2-м разделе. Что тотчас же проиллюстрировала студентка Пермского универститета Лида Комарова:

Один министр — поборник празднословья —
Был снят по состоянию здоровья.
Когда такой «больной» поста лишается,
Здоровье у народа улучшается!

— Сатира написана в 1987 году, а как злободневно звучит и сегодня! — гордясь пермячкой, воскликнули судьи. И деловито продолжили: — Третий раздел книжки составляют...

— Сочинения на вольные темы! — догадливо подхватили марафонцы.

— Что полностью соответствует 3-му витку турнирной эволюции,— заключило белосахарное судейство.— Уж тут-то вы отвели душу, стреляя по социальным порокам направо и налево!.. А как именно это делалось, пусть и на сей раз продемонстрирует женщина...

Вначале было слово... Тех времен
Мы не учли отдельные моменты:
Мир до сих пор бы не был сотворен,
Когда б за словом шли... аплодисменты!

Бурные джентльменские аплодисменты стали наградой за ехидную сатиру Олесе Оефдеенко, студентке техникума из Киева.

— Поклонники наших творческих соревнований найдут в книжке, помимо стихов и выразительных цифр, суждения бегунов о турнире и его девизы... Теперь о новорожденной книжке «Трусцой на Парнас!» вы знаете все,— завершила свою миссию судейская коллегия.— Будут ли вопросы?

— Сколько сатир вошло в книжку?

— Какой у нее тираж?

— Где ее купить?

— Увы, дорогие Ювеналы, рискуя подвергнуться с вашей стороны сатирическому обстрелу, мы вынуждены признаться: в книжку уместилось лишь 240 сатир (ведь у нее строго заданный объем), то есть чуть больше трети из опубликованных в «Крокодиле». Тираж, правда, неплохой — 75 тысяч, но вот помочь в приобретении книжки даже ее авторам судьи лишены возможности — сапожник, как известно, ходит без сапог. Так что ловите книжку в киосках «Союзпечати».

— И все же от лица гостей-заочников и всех друзей турнира хотелось бы расцеловать нашего общего патрона Крокодила за осуществление мечты — издание книжки,— нежным сопрано пропели выступившие ранее сатирикессы.

— Считайте, что вы это сделали с помощью нашего лица,— зарделась судейская коллегия.— Поздравляем всех любителей сатирической поэзии с выходом в свет острой читательской книжки!

На этом торжественное представление нового издания в «Профессиональном клубе любителей-сатириков» завершилось. Напольные часы своим двенадцатым «Бом!» возвестили о приходе полдня.

Леонид ТРЕЕР

ПРИНЦИП КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ

Рассказ

Тут недавно за океаном сенат забодал кандидата в министры. Причем хлопотал за него сам президент. А сенаторы уперлись — и ни в какую! Мол, увлекается спиртным и дамочками. Для ответственной должности, мол, не годится. Кандидат этот клялся, что не притронется ни к рюмке, ни к женскому полу, но его все равно прокатили. Да еще показали это голосование по телевизору... Мы к гримасам ихней демократии давно привыкли, но чтоб президент не мог назначить своего человека министром — это, извините, черт знает что! У меня подозрение, что они этот спектакль специально разыграли. Мол, пусть мир поглядит, какие мы независимые и свободные. И, между прочим, на многих наших людей это зрелище подействовало.

Даже товарищ Стригунов, наш царь и бог, который кадровые вопросы всегда решал сам, дрогнул. Вместо того, чтобы назначить начальника управления, вызвал нас к себе и предложил обсудить кандидатуру Тарасюка.

— Я,— говорит,— его специально не пригласил, чтоб разговор получился принципиальный. Так что высказывайтесь напрямик! А я,— говорит,— выскажусь последним, чтоб не навязывать вам свое мнение.

Мы, конечно, растерялись, поскольку практики нет и что у шефа на уме — неизвестно. Но коль он предлагает Тарасюка, значит, тот его устраивает...

— Вообще-то Тарасюк — мужик опытный,— говорит осторожно Петров.— Куда только его не посылали!

Затем слово взял Сидоров.

— На руководящей работе Тарасюк уже лет двадцать,— говорит Сидоров.— Огонь и воду прошел...

Тут все на меня уставились. Ждут.

— Главное,— говорю,— он наш человек. С ним всегда можно договориться.

Товарищ Стригунов выразил бровями недовольство.

— Не о том поете,— говорит.— У нас не юбилей Тарасюка. Меня,— говорит,— интересуют его слабые места.

Мы, конечно, задачу поняли. Тем более что у Тарасюка этих слабых мест хватит на семерых.

— В людях не разбирается,— говорит Петров.— Окружает себя подхалимами, жуликами. В восемьдесят четвертом едва не угодил под суд...

Затем слово взял Сидоров.

— Склонен к припискам,— говорит Сидоров.— Когда руководил птицепромом, у него каждая курица несла яйца два раза в день.

Доходит очередь до меня.

— Развалил,— говорю,— культуру в городе. Ни один режиссер не выдерживал Тарасюка больше года. А балерина Тяглова в знак протеста пыталась отравиться...

Шеф выслушал эти сообщения озабоченно, сделал пометки в блокноте.

— Ну, а как он насчет этого? — интересуется товарищ Стригунов и щелкает себя по шее.

— Пьет редко, но много,— отвечает Петров.— Ездили мы с ним однажды по обмену опытом в Варну...

Но шеф слушать эту историю не захотел.

— Теперь,— говорит,— взглянем на Тарасюка с точки зрения моральной устойчивости.

В ответ Сидоров доложил, как пару лет назад жена претендента застукала его на даче с секретаршей и устроила побоище, после которого все трое попали в больницу. В результате Тарасюк сменил и жену, и секретаршу.

Товарищ Стригунов вздохнул и говорит: сердцу, мол, не прикажешь. Мол, по статистике, каждый второй брак распадается.

После чего шеф и предоставил себе заключительное слово.

— Очень хорошо,— говорит,— что мы обсудили кандидатуру со всех сторон. Потому что успех перестройки во многом зависит от подбора кадров. Тарасюк, конечно, не ангел. Ошибался не раз. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Думаю, справится!

Мы, понятно, спорить не стали. И тут товарищ Стригунов нас просто поразил.

— Впрочем,— говорит,— я не настаиваю. Решать будем вместе, открытым голосованием. Кто за то,— говорит,— чтобы назначить Тарасюка начальником управления?

И поднял руку. И мы подняли.

Он опустил. И мы опустили.

— Единогласно,— говорит шеф.— Все свободны!

Вышли мы из кабинета слегка очумелые от непривычной дозы демократии. Но ощущение в целом приятное. Чувствуешь себя сенатором, который помог президенту решить кадровый вопрос. Тарасюк, конечно, управление развалит, но шефу, как говорится, видней! Шеф у нас — голова. Он первым в отрасли овладел принципом коллегиальности: это когда из множества мнений выбираешь единственное, которое совпадает с твоим. А если ни одно не сможет совпасть — значит, надо менять подчиненных.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

О ПОЛЬЗЕ ДЕГТЯ

Что за сатирой нужен глаз да глаз — это мы еще со времен застоя знаем. В том числе за сатирой театральной. Так и норовит чего-нибудь очернить, а то и дегтем вымазать. И вот вопреки всем канонам МОСКОВСКИЙ ТЕАТР САТИРЫ премьерно выкатил на афиши утренних спектаклей... «БОЧКУ МЕДА» — веселую детскую сказку. Так сказать, подсластить жизнь ребятам и их родителям.

Сразу оговоримся, ничего из этой затеи у автора — замечательного драматурга ЛЬВА УСТИНОВА, постановщика — народного артиста РСФСР СПАРТАКА МИШУЛИНА и композитора АЛЕКСАНДРА ЖУРБИНА не получилось. Даже наоборот: уже к концу первого действия переполненный зал на дух не выносил меда, а сладкая жизнь казалась ему чем-то по меньшей мере неприличным. Потому что в сказочном городе бог знает сколько лет сильно печалятся жители под властью зловещего Каблука, градоначальника. Тут, положим, ничего принципиально нового нет, и даже четкие исторические аналогии возникают: казни под веселую музыку, сбор информации посредством Мухи-подкаблучницы, творческая, так сказать, интеллигенция в лице двух музыкантов, у которых даже струны на скрипках от греха пооторвали...

Но вот возвращается в Город из дальних походов храбрый Петер, законный, выбранный народом правитель. И по всем сказочным законам должен технично взять власть в свои, то есть народные руки, и быстренько восстановить справедливость, пока всех не перевешали. Вот тут-то и сворачивает действие с наезженной колеи.

Встретилась Петеру маленькая глупая волшебница. Как следует колдовать еще не научилась, а парнишке помочь захотела: больно уж он из-за всего переживает. То есть хотела как лучше — мол, не обращай ни на что внимания, жизнь прекрасна и удивительна. Тебя-то, как народного героя, не трогают! И вручила ему волшебница бочонок меда — бездонный, между прочим. Лопает он мед в час по ложке, и вся жизнь ему медом кажется. Музыка играет замечательная, все по приказу Каблука танцуют, антураж поражает изяществом и многоцветьем. А если и казнят кого, так это, по всей видимости, за дело. Градоначальник Петера как героя встречает и сразу на пьедестал устанавливает, чтоб был соответственно своим заслугам чуть повыше остальных. Чего еще надо? Разумеется, оставил он Каблука мудро руководить, и называть градоначальника стали «Ваше правительство». До чего народный герой дошел — в дочку Каблука втюрился и невесту забыл!

В общем, не удался Сатире показ «сладкой жизни». Без вышеназванного дегтя все-таки не обошлось. И подмешала-то Мария, невеста Петера, в бочку всего одну ложечку знаменитого ингредиента, а какой эффект? Именно горечь, оказывается, прозреть помогает! Сразу парень смекнул что к чему. Заключенных, современным языком говоря, реабилитировал. Муху выгнал. Говорить разрешил кто чего хочет. Каблука приговорил к самой страшной казни, какая только может быть для бывшего тирана,— заставил работать, как все, и быть, как все. Невесту, само собой, обнял и поцеловал. Осознал, короче говоря, товарищ Петер ошибочки и невмешательству своему ужаснулся. Вот такая сильно действующая сказочка получилась. При помощи, надо сказать, прекрасных актеров — И. Луковской, Б. Кумаритова, Е. Яковлевой и др.

Разные мнения существуют сейчас о Театре сатиры. Что-де нового мало, поговаривают, и острота спектаклей маленько притупилась. За всю, как говорится, Одессу не скажем. А за данный конкретный случай с «БОЧКОЙ МЕДА» готовы поручиться: то, что надо. Особенно если учесть изношенный до дыр репертуар профессиональных детских театров. Не очередной назидательный примитив с легким юморком вышел сегодня на сцену, а произведение сильной и умной драматургии, требующее от ребят, долгое время старательно приучавшихся к созерцательству и проглатыванию затверженных истин, и мыслительного напряжения, и умения разобраться в сложной ситуации, и даже мужества восстать против уже усвоенных ими стандартов.

После премьеры к драматургу подошел один вполне респектабельный и абсолютно взрослый зритель. «И все-таки,— сказал он,— я не до конца понял, что вы имели в виду». «Когда один человек,— ответил ему драматург,— получает чуть-чуть больше сладкого, чем другие, он, к сожалению, перестает понимать остальных...»

Давайте об этом помнить.

Очернить Театр сатиры попыталась Н. ГРАЧЕВА.

Лев ОЗЕРОВ

Предлагаем вниманию читателей новые стихи Льва Озерова, известного поэта, переводчика, литературоведа, профессора Литературного института. Он безошибочно узнавае на шарже И. Игина, сделанном художником более четверти века назад

РЕПЛИКА

Он кричал, от власти дурея,
Так, что слышно на всю страну:
— Отвечай на гласность скорее,
А не то тебе глотку заткну!

•

Отечественный Мракобес
Не представляет интереса,
Но представляют интерес
Воспитанники Мракобеса.

•

Редактор мне дает уроки.
Он водолаз в подтексте дней.
В достоинствах ища пороки,
Он выкорчевывает строки,
Которые всего ценней.

•

Каждой книжице — свой сезон,
Что бы там ни пророчили,
Кому Семенов, кому Сименон,
Кому всякие прочие.

В ВОСТОЧНОМ ДУХЕ

Слова о сладком — еще не халва,
Досужая сплетня — еще не молва.
Всеобщий гвалт посреди базара
Столь же обманчив, как похвала.

МЕМУАРИСТ

Подчас взамен того, что было,
Он нам дает, что быть могло.
Куда вело его стило?
Его читаешь — любо-мило,
Артист! Еще не то он даст,
Мемуарист, то есть фантаст.

ПЕРЕВОД ИЗ РАДО РАЛИНА (Болгария)

Если взглянуть формально,
Все обстоит нормально,
Но если взглянуть нормально,
Все обстоит формально...

* * *

Беда, когда иной сатирик
Нам преподносит панегирик.

* * *

О нем не скажешь: вор и мот.
У полок целый день хлопочет.
О нет, он книгу не крадет,
Он возвращать ее не хочет.

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО

Сказал в присутствии доброй жены
И детей, которых куча мала:
— По тому, как вы со мною нежны,
Я вижу: плохи мои дела.

* * *

Машина. Модный кабинет.
Преувеличенный портрет.
Дипломатичная улыбка.
Преуспевающий поэт.
Поэт? Произошла ошибка.

В ШВЕЙЦАРСКИХ КУЩАХ

Еще лет десять назад съездить по приглашению даже в соцстрану стоило серьезной нервотрепки. Но на наших глазах лед тронулся... И, вы знаете, ничего, мир не перевернулся. Автор этих заметок побывал в Швейцарии; и вы можете смело ехать к знакомым в Милуоки или Брюссель, если, конечно, получите от них приглашение. Разумеется, официальное, на казенной бумаге, с подписями и печатями, на уровне по крайней мере международного пакта, а не какое-нибудь там нормальное письмо «Друзья, приглашаем вас к себе в гости...», способное рассмешить даже серьезных людей в ОВИРе.

Собрав документы, вы несете их в районный ОВИР и начинаете ждать ответа из городского. Сколько ждать? По закону — месяц, по жизни — два-три (число поездок выросло раз в десять, оформление упростилось вдвое, сотрудники остались все те же — вот и считайте).

В общем, паспорта мы получили за три дня до отъезда (а без них билетов не купишь), мест на прямой поезд уже не было, пришлось взять на транзитный.

— В Берлине сойдете,— буркнула хмурая тетя в «Справочной» интуристовских касс.— И сядете в сидячий вагон, что подцепят к вашему же поезду.

Ладно, доехали до Берлина. Ночь. Поезд наш, естественно, куда-то угнали, только без всяких сидячих вагонов. Мы помчались в «Информацию», где и узнали, что сведения «Интуриста», мягко говоря, неверны, и нам следует ехать на электричке через границу в Западный Берлин и сесть на нужный нам поезд. И поскорее, ибо уходит он через полчаса, а следующий — лишь через сутки.

В общем, тот еще был кросс по пересеченной местности — с детьми, чемоданами и переходом границы!..

Первая остановка во Фрайбурге — южнонемецком городке со знаменитыми собором и университетом. Красота, чистота, праздничность.

Первое потрясение — узнаю в банке, что одна марка ФРГ стоит там примерно десять рублей. Это при том, что в Москве она оценивается в тридцать пять копеек, а на черном рынке — в пять-шесть рублей! Это к вопросу о конвертируемости...

Потрясение номер два — контролер в следующем поезде смотрит наши оплаченные транзитные билеты и требует доплаты за скорость.

— Как же так? — протестуем мы.— Нам ведь сказали в «Интуристе»...

Немец ничего не желает знать: действует по закону и прощать грехи нашего «Интуриста» не собирается. Плати, и никаких гвоздей, да той самой валютой, которую нам меняют из расчета три с половиной рубля на день!.. Пришлось раскошелиться.

Вот и Базель, граница Швейцарии. Ни пограничников, ни таможенников не видно с тех пор, как выехали из ГДР. Словом, въезд наш и выезд из ФРГ прошли не замеченными для мировой общественности.

Особое положение Швейцарии заметно сразу при переезде из ФРГ — цены становятся выше процентов на 10—15. Зато, как нам объяснили, зарплаты — на 25—30, если не вполовину... Возможность подзаработать и привлекает в Швейцарию рабочую силу, несмотря на то, что платят иностранцам куда меньше, чем местным (безработицы здесь практически нет, газеты пестрят объявлениями о найме). Выгодно это и промышленникам — есть люди, готовые на черную работу, с низкой оплатой, и притом довольно бесправные. Ну чем не наши лимитчики?!.

Многие швейцарцы вдобавок к немецкому, французскому или итальянскому (государственные языки) говорят еще по-английски, по-испански, ибо часто выезжают на учебу или работу за рубеж. Это поистине граждане планеты, космополиты (разумеется, в общепринятом, а не в ждановском толковании). Более того, некоторые из них, особенно молодежь, чувствуют неловкость, что вот родились и живут в этаком «парадизе», в то время как в мире столько еще бед и страданий. Они стремятся помочь нищим и обездоленным и делают это, как некогда миссионеры, Альберт Швейцер... Вспомним, что Красный Крест зародился тоже в Швейцарии.

Беседую с одним из таких людей:

— Филипп, внешне ты типичный голливудский герой: строен, элегантен, черноус — любимец женщин и судьбы. Однако я знаю, что это не совсем так, судя хотя бы по твоей скромной одежде...

— И по рабочим мозолям,— улыбается он, протягивая ладони.

— Да-да, конечно, мозоли что надо. Поэтому расскажи хоть немного о себе, как дошел до жизни такои.

— Ну, если это интересно... Родом я из солидной буржуазной семьи, отец и дед крупные инженеры, собственный дом, достаток... Что еще? Домашнее воспитание, затем хорошая школа, университет.

— Так что же все-таки вдруг случилось?

— Случился май тысяча девятьсот шестьдесят восьмого со знаменитыми парижскими студенческими волнениями. Все вдруг во мне перевернулось. В общем, бросил учебу, увлекся политикой...

— А в чем заключается сейчас твоя деятельность?

— Я состою в комиссии по Южной Америке. Мы организуем помощь Никарагуа. Я сам туда часто езжу, работаю в интербригаде, помогаю возводить школы, больницы...

— А почему твои ребята не едут на помощь к нам?

— Я бывал и в Союзе, но не во всем согласен с вашей системой.

— Филипп, ты презираешь удобства, даже не имеешь машины, что по вашим меркам чуть ли не нонсенс. Как ты считаешь, ты исключение?

— Не знаю,— вновь улыбается он.— Наверное...

Конечно же, Филипп не типичен — большинству швейцарцев присущ индивидуализм, который, впрочем, культивируется всей системой — человек с детства должен надеяться лишь на себя (а может, где-то это и неплохо, а то вон что вокруг нас — блатмейстерство, протекционизм, клановость...). Вот любопытный случай: порывом ветра опрокинуло вешалку с платьями возле магазина. Мимо шли и шли люди, но никто и не подумал поднять. Мы с женой было рванулись, но друзья не пустили. «Здесь это не принято. Подумают еще, что хотите украсть». Но, однако, ▶

если поскользнулся, упал пожилой человек, ему тут же помогут, вызовут такси или медиков.

Еще здесь царит тенденция к специализации, и притом узкой: решил стать театроведом, так знай о театре все; выбрал профессию меховщика — будь любезен, до тонкостей разбирайся в мездре и подпушке! Но чтобы инженеры, бросив свои персональные компьютеры или даже просто на уик-энде обсуждали только что вышедшую повесть или поэму — это уж, пардон, нереально. Искать в книгах и фильмах ответ на вопрос «Как жить?» — это, по-видимому, чисто наша отечественная традиция. Дело доходило до смешного: когда я просил тамошних собеседников назвать любимых швейцарских писателей, большинство припоминало лишь Фридриха Дюрренматта, некоторые, но уже с трудом, Макса Фриша. Воистину «поэт в России — больше чем поэт!..».

О магазинах говорить как-то не хочется — положение у них и у нас меняется, увы, в противоположные стороны (сегодня талоны на сахар, а завтра?..). Интересно другое — в громаднейших супермаркетах, где в глазах рябит от обилия всевозможных товаров, с трудом порою найдешь продавца, чтобы заплатить за покупку. Как трудно здесь людям морально нестойким! И, заметьте, в маленьких городках часто не запираются двери в квартиры, возле домов спокойно стоят без всяких замков велосипеды, мотоциклы. Можно забыть вещь на улице, в магазине, и через два часа она будет на том же месте. «Брать чужое нельзя» — истина, всасываемая с молоком матери-швейцарки.

Несколько слов о средствах передвижения. Общественный транспорт сильно развит, но не так чтобы уж очень дешев — во всяком случае, наш пятачок на метро вспоминаешь с теплой грустью. Для нас, богатых скорее духовно, палочкой-выручалочкой являлись автомобили — мы объездили практически всю Швейцарию именно автостопом. И вот парадокс — никто из многочисленных водителей, нас подвозивших, даже не заикнулся о франках — попробуйте-ка представить подобную ситуацию в Москве или Ленинграде, где каждый притормозивший возле вас «частник» прежде всего спрашивает: «А сколько заплатишь?». Благодаря автостопу мы и смогли посетить Баден, Цюрих, Берн, Фрибур, Лозанну, Женеву, Люцерн — удивительно, до чего любое из этих названий будит в русском человеке воспоминания: здесь побывал Толстой, проезжал Чехов, жил в эмиграции Ленин... Я уже не говорю о Песталоцци, Вильгельме Телле, Томасе Манне, Чарли Чаплине и, конечно, о незабвенном Штирлице (здесь о нем, увы, практически никто и не слышал). Кстати, швейцарцы знают Россию не понаслышке — швейцарская гвардия участвовала в наполеоновском походе 1812 г. и часть ее погибла. Помню живую реакцию наших новых друзей, когда мы с женой спели им Окуджаву: «Кавалергарда век недолог...». «О, русские хусарды, хусарды!» — послышались возгласы, и тут же прозвучала в ответ народная песня, оплакивающая юного швейцарского воина, погибшего при переправе через Березину.

Швейцарцы очень берегут свою историю — ах, в каком идеальном состоянии находятся памятники, здания, мосты в Люцерне, Цюрихе, Лозанне!.. Кстати, вход во все знаменитые соборы бесплатный.

История тесно связана с природой, и об этом хочется сказать подробней. Можете ли вы представить себе, чтобы вода в Москве-реке, Неве или Днепре (в городской черте, разумеется) была прозрачной настолько, что просматривается дно?! А вот в любом швейцарском населенном пункте это именно так! И птички божии заливаются наперебой. А воздух, что за воздух! Моя вечно бледная по-московски дочка за две недели просто порозовела, словно после длительного отдыха на море. Рубашку можно было не менять дней пять — воротничок упорно не хотел пачкаться.

«Однако должны же быть какие-то язвы и в этих швейцарских кущах,— думал я.— Есть ведь и здесь над чем посмеяться...»

И обратился к популярному в Швейцарии веселому журналу «Небельшпальтер», что в переводе примерно значит «Колоть туман». Сатиры там, увы, не оказалось (вот вам и свобода печати!), а юмора — сколько угодно (см. анекдоты ниже).

P.S. Зато в Москве очереди перед ОВИРом было не до смеха: с первого апреля денег стали менять вдвое меньше — три с полтиною на день взрослому, а детям — вообще ничего. Что говорить — день веселья. Глянуть бы на тех, кто келейно, но в атмосфере полнейшей гласности принимает такие решения — как бы они сами питались и существовали там на эту грандиозную сумму?! Впрочем, ответственные работники возразят, что сами они по приглашениям за границу не ездят, а ездят в командировки...

Я пишу эти строчки в апреле, когда слухи насчет грядущих изменений, касающихся поездок, просто летают на крыльях. Одни ждут, что скоро ездить можно будет вообще без приглашений, другие — что перестанут менять валюту и вообще захлопнут «форточку» в Европу, третьи — что компетентные органы одной рукой что-то разрешат, а другой запретят, так что в сумме ничего не изменится... Словом, завидую тебе, июльский читатель, для которого многое здесь уже прояснится.

С. ХАЗАНОВ.

•

— Мамочка, ах, какой анекдот я слышала!
— Ну, расскажи.
— Нет, что ты, я слишком мала для него.

•

— Большое спасибо, что вы зашли ко мне в гости.
— Да, погода ужасная, и ничего лучшего сейчас не придумаешь.

•

— Как поживает ваш сын?
— О, с каждым днем он все больше похож на меня.
— Боже мой, можем ли мы вам чем-нибудь помочь!

•

Разговаривают двое каннибалов:
— Боже мой, ты поправился сразу на двадцать кило!
— Да, тип, которого я вчера съел, был очень тощий.

•

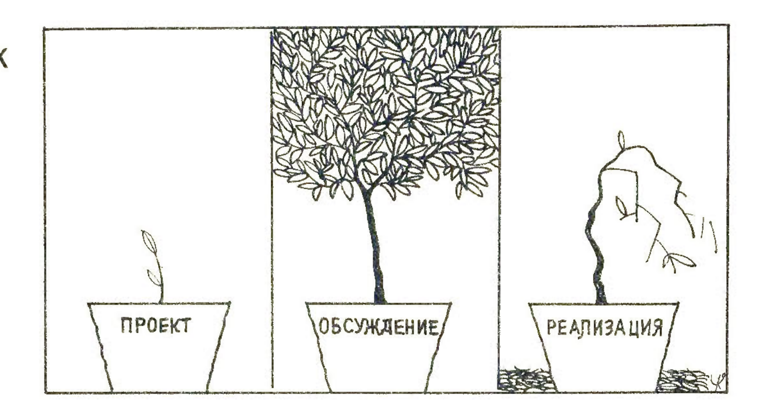
После бракосочетания молодая супруга обращается к своему пожилому избраннику: «Дорогой, хочу попробовать написать свое новое имя — дай-ка сюда твою чековую книжку!»

•

Разговаривают две подруги:
— Если я выйду замуж, столько мужчин станут несчастны!
— Но почему — ведь ты же выйдешь только за одного.

«Небельшпальтер», Швейцария.

Юзеф КАЧМАРЧИК (Польша).

ДИОГЕН — Я не могу в ней жить, она из-под селедки.

— Поздравляю! У вас сын.

АЗБУКА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Из «Юмористического словаря» Эвана Эзара, США.

Л

ЛАС-ВЕГАС — городок, где мужья трясут игральные кости, а жены трясут своих мужей.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК — это мертвый язык, ставший, по-видимому, жертвой одного из изучавших его студентов.

ЛЕГЕНДА — ложь, приобретшая с годами гордую осанку.

ЛЕДИ — женщина, создающая такие условия, при которых мужчине остается лишь одно — быть джентльменом.

ЛЖЕЦ — среди мужчин тот, кто утверждает, что всегда говорит правду; среди женщин — та, что божится, будто никогда не лжет.

ЛИБЕРАЛ — человек, вечно находящийся в двусмысленном положении: консерваторы считают его радикалом, а радикалы — консерватором.

ЛИКЕР — жидкость, которая начинает громко нести чушь и несуразицу, как только перемещается из бутылки в человека.

ЛИНКОЛЬН, АВРААМ — человек, которому удалось, никогда не будучи красавцем, великолепно выглядеть на пятидолларовых банкнотах.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК — человек, обнаруживающий в книге то, чего ее автор меньше всего предполагал.

ЛОГИКА — это когда останавливают часы, чтобы выиграть время, а также когда думают, что ничего не должны доктору, если он ничего не нашел.

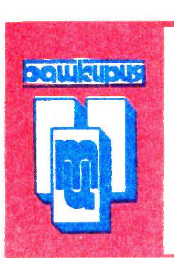
ЛЮБОВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ — то, что часто ведет к женитьбе а еще чаще — к разводу.

ЛЮБОВЬ — единственная глупость мудрого и единственная мудрость глупца. Единственная игра, в которой у любителя больше шансов для совершенства, чем у профессионала.

Перевел А. БЕНЮХ.

Продолжение. Начало в №№ 8, 11, 15, 18, 22, 27 — 1988 и №№ 3, 19 — 1989.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

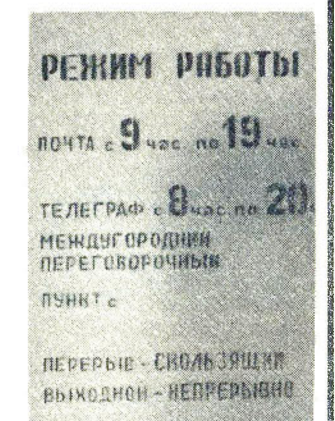

ОГУРЦЫ
МАРИНОВНЫЕ
СЛАБОКИСЛЫЕ
3000г
1.51

Прислал И. Мусин, г. Уфа.

«Наступил март месяц, и у меня появилась усиленная тяга к женщинам...»

(Из объяснительной.)
Прислал А. Малыгин, Кировская область.

РЕЖИМ РАБОТЫ

ПОЧТА с 9 час. по 19 час.

ТЕЛЕГРАФ с 8 час. по 20

МЕЖДУГОРОДНИЙ ПЕРЕГОВОРОЧНЫЙ ПУНКТ с

ПЕРЕРЫВ - СКОЛЬЗЯЩИЙ
ВЫХОДНОЙ - НЕПРЕРЫВНО

Прислал А. Иванченко, г. Баку.

«Работникам торговли надо иметь точные цифры о количестве жителей города в колбасном выражении»

(Из выступления на собрании.)
Прислал И. Кочанков, г. Арзамас.

«...Я, продавец Невинная Н. П., категорически заявляю: руководство не имело права лишать меня премии за истекший месяц, т. к., обнаружив припрятанный мною дефицит, народные контролеры тем самым уже наказали меня рублем».

(Из заявления.)
Прислала Л. Мецлер, г. Москва.

ЗООПАРКУ
ТРЕБУЮТСЯ
НА ПОСТОЯННУЮ РАБОТУ:
1. ГРУЗЧИКИ (130 р)
2. ДВОРНИКИ (88 р)
ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ НА 1/2 СТАВКИ:
СЛОНОПРОТИРЩИК ЗАДНЕЙ ЧАСТИ (60 р)
АДМИНИСТРАЦИЯ

Прислал Э. Лаповок, г. Москва.

ПРОДАЕТСЯ
ЩЕНОК ПОРОДИСТОЙ СОБАКИ (КОБЕЛЬ) С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ. ОБРАЩАТЬСЯ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ПО ТЕЛЕФОНУ 33-20-20.

Прислал А. Банахевич, г. Мариуполь.

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

А. ЛЮБИМОВ, Д. ЗАХАРОВ, В. МУКУСЕВ,
А. ПОЛИТКОВСКИЙ, В. ЛИСТЬЕВ, С. ЛОМАКИН

Нам доказали шесть ребят,
Сменяясь в кухоньке-каморке:
Те, у кого единый «Взгляд»,
Не обязательно «шестерки»!

Борис БРАЙНИН.

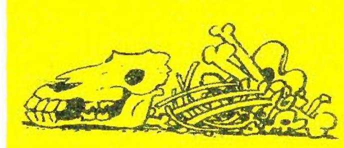
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

В ПОИСКАХ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

(из дневника ученого)

5 ИЮЛЯ
Перешли с предгорья на нагорье. Проводник-гималаец увидел на скале клок рыжей шерсти, задрожал и, выкрикивая: «Цок-цогыз, цок-цогыз!» («Это он, это он!»), скрылся в расщелине. Едем самостоятельно, на тибетских лошадях, с полупроводниками (в радиостанции).

7 ИЮЛЯ
Ночью пропала лошадь. Долго искали и нашли ее тщательно обглоданный скелет. При виде скелета вторая лошадь задрожала и, выкрикивая: «И-и-ё-ё!» («Спасайся, кто может!»), скрылась в расщелине. Всю поклажу пришлось взвалить на Василия.

9 ИЮЛЯ
Ночью пропал Василий. Долго искали и нашли его тщательно обглоданный скелет. При виде скелета радистка Соня задрожала и, выкрикивая: «Йети, йети твою...» («Надоело все!»), скрылась в расщелине. Всю поклажу взвалил на себя.

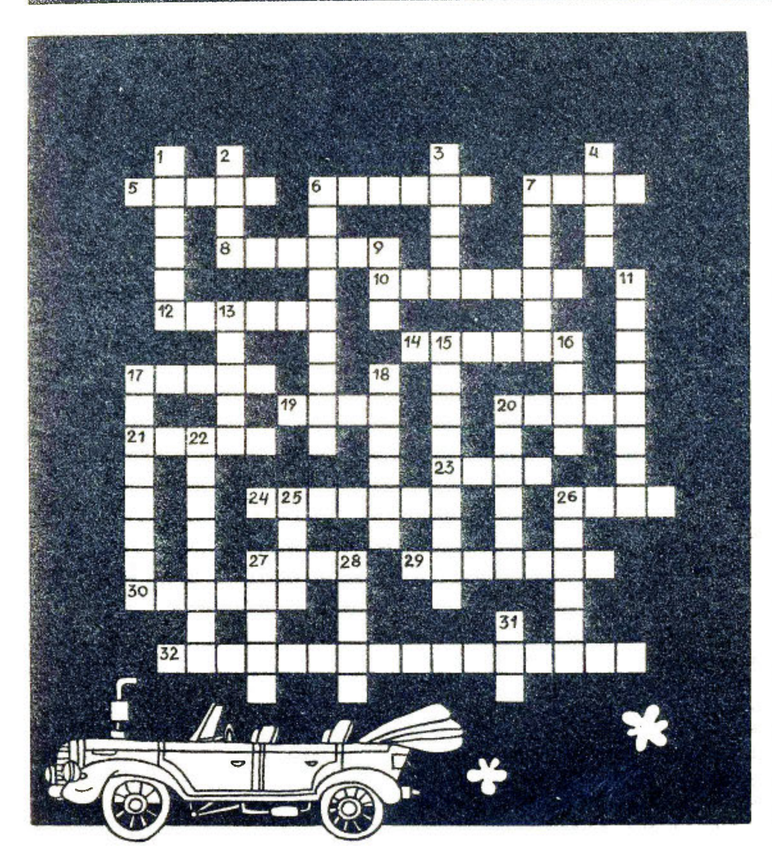
11 ИЮЛЯ
Ночью пропала поклажа. Остался только журнал «Крокодил», которым я отгонял комаров и тибетских медведей. Долго искал поклажу, но не нашел. Топаю налегке.

13 ИЮЛЯ
Ночью пропал «Крокодил». Долго искал и, по ряду характерных догадок, вышел к гнезду снежного человека. Он лежал в гнезде, рассматривал «Крокодил» и покатывался со смеху. Увидев меня, йети засмеялся еще больше. Так мы сдружились. Нам помог юмор. В знак своего хорошего отношения снежный человек не стал мной закусывать, а я оставил ему журнал «Крокодил». И обещал: как вернусь домой, оформлю на него годовую подписку...

А ВЫ ПОДПИСАЛИСЬ НА ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ»?!

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Торговый центр уже не на птичьих правах. 6. Та же добыча радия (поэтич.). 7. По-быстрому (игр.). 8. Не птица. 10. Свидание, на которое опаздывают француженки. 12. Проявление медвежьего угодничества. 14. Сушка в море. 17. Не воробей. 19. Хорошо при плохой игре. 20. Эмоциональная зеленка. 21. Кушанье итальянских сыроедов. 23. Город, в котором играли в деревянную лошадку. 24. Вздорное число, равное нулю (Маяковск.). 26. Песня с иллюстрациями. 27. Тяжесть, пришедшая в движение. 29. От а до я. 30. Объект волчьей жалости. 32. Характеристика выносливости (механич.).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хохлатый говорун (орнитологич.). 2. Место для культуры на отдыхе. 3. Ворота как архитектурное излишество. 4. То, что раньше меняли на мыло. 6. Часть речи, окутанная тайной (религ.). 7. Соринка в своем глазу. 9. Еще один говорун (длиннохвост.). 11. Примочки сгоряча. 13. На кого зверь бежит. 15. Розыгрыш (драм.). 16. Средство измерения грешности (миф.). 17. Смежная профессия плохого киномеханика. 18. Боковое украшение черт-те чего. 20. Птица мощностью в три лошадиные силы. 22. Второе «я» крошки Цахеса. 25. Солнцехранилище (Маяковск.). 26. Церковные подмостки. 27. Душевое зеркало (поэтич.). 28. То, что можно дать только себе. 31. Любимая антилопа Адама Козлевича.

Составил И. КЮНАВИ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 19

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Синдром. 5. Преисподняя. 10. Колотун. 11. Ортопед. 12. Конферансье. 15. Парилка. 16. Деревня. 17. Фасад. 19. Карат. 21. Невод. 23. Муляж. 24. Неук. 25. Друг. 26. Сова. 27. Лавр. 28. Мель. 30. Укус. 32. Сыроварение. 33. Крыльцо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Водопад. 2. Синица. 3. Кордон. 6. Рондо. 7. Якорь. 8. Холерик. 9. Перевод. 12. Каптенармус. 13. Раскладушка. 14. Единогласие. 17. Фомка. 18. Дождь. 20. Апостол. 22. Острога. 29. Лирика. 31. Конвой.

В НАШЕМ ЦЕХЕ

Как начинающие, так и оперившиеся карикатуристы из разных районов страны нередко просят редакцию публиковать информацию о международных конкурсах карикатуры. Художников интересуют: а) условия объявляемых конкурсов; б) их результаты.

Насчет а): к сожалению, все конкурсы мы охватить не в состоянии, у многих из них слишком жесткие сроки, и наши сведения просто опоздают (надо учитывать, что журнал находится в производстве около двух месяцев, а потом еще крайне медленно продвигается к подписчику). Да и журнальная площадь не всегда позволяет дать достаточно полную информацию.

Но мы постараемся.

Мы постараемся и насчет пункта б). Мы будем сообщать о тех выставках или конкурсах, где советские художники добились весомых успехов. Это в качестве их поощрения и нацеливания на дальнейшие победы.

Так вот:

Агентство София Пресс проводило международную выставку карикатуры «Озон-88». «Гран-при» присужден москвичу Игорю СМИРНОВУ (см. рисунок). Первая премия — Гарифу БАСЫРОВУ, тоже из Москвы.

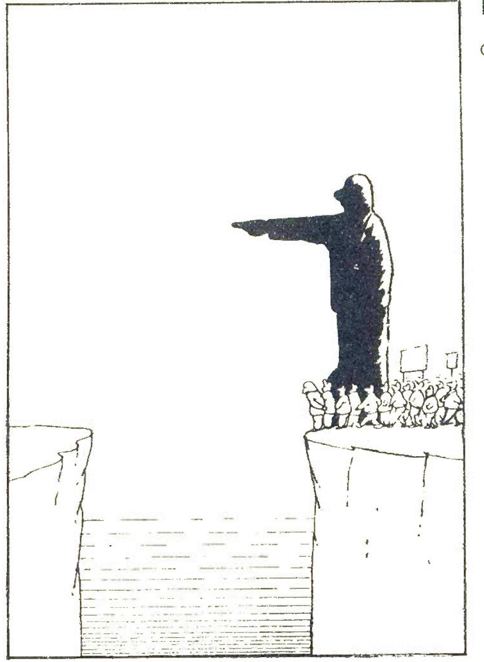
В г. Маростика (Италия) прошла выставка на тему «Герой». Главный приз по разделу «Стрип» достался киевлянину Виктору КУДИНУ (см.). Премия — Владимиру УБОРЕВИЧУ-БОРОВСКОМУ из Москвы (см.).

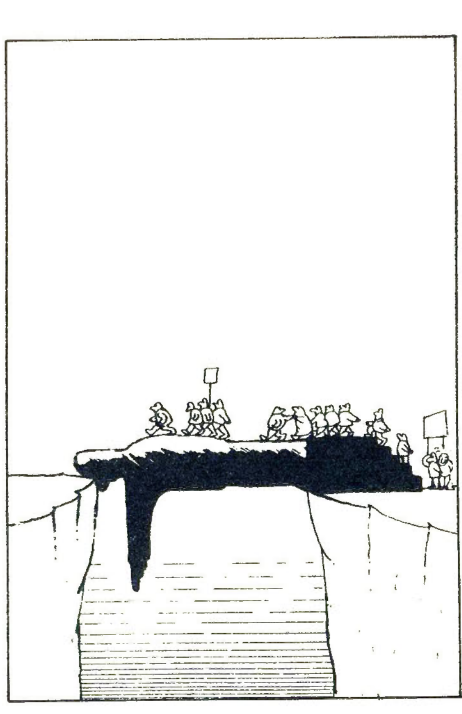
В итальянском же городе Тренто художники обыгрывали тему «Земля... земля!». Здесь третью премию присудили москвичу Виктору СКРЫЛЕВУ (см.). Специальные премии — у москвичей Сергея ТЮНИНА и Игоря СМИРНОВА, воронежца Ивана АНЧУКОВА, Сергея МОСИЕНКО из Новосибирска и Владимира БЕРЕСНЕВА из Каунаса.

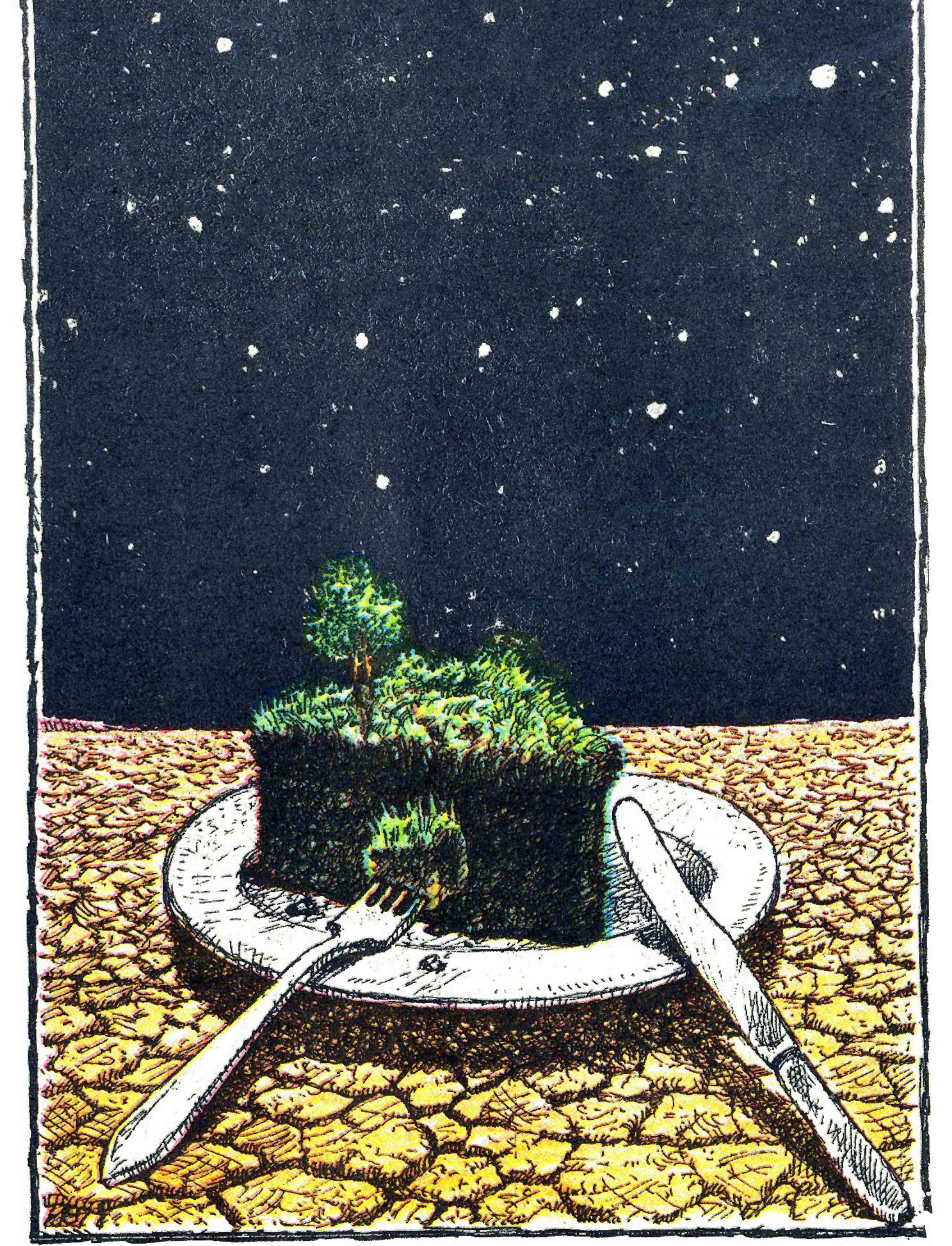
В. СКРЫЛЕВ.

ИТОГИ ВПЕЧАТЛЯЮТ И ВДОХНОВЛЯЮТ

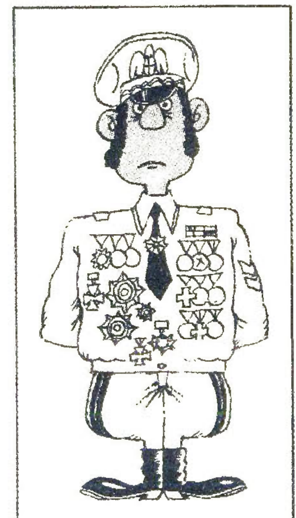

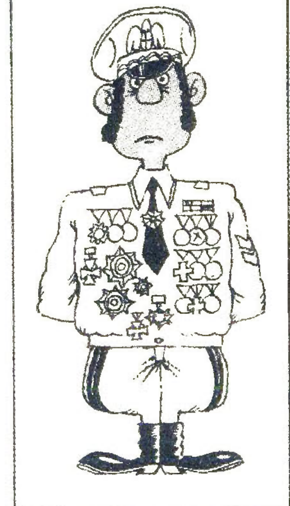

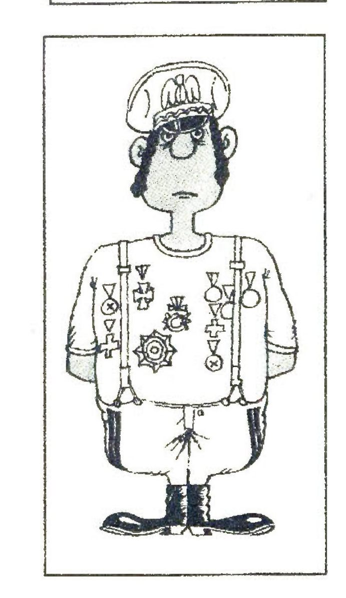
В. КУДИН.

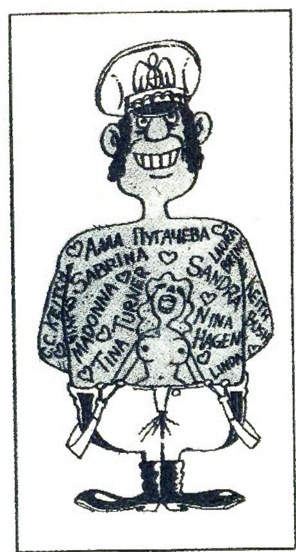

И. СМИРНОВ.

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ.